

МНОГОКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Все дьяволы
здесь

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

Убийство, обаятельный детектив
и пугающая атмосфера — впечатляет!

The Times

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Все дьяволы здесь

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111-312.4

ББК 84(7Кан)-44

Пенни Л.

Все дьяволы здесь / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-20634-2

Роман «Все дьяволы здесь» продолжает серию расследований старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире многократного лауреата премии Агаты Кристи. На этот раз инспектору предстоит раскрыть преступный заговор в Париже – Городе света. Ничто не предвещало беды в этот чудесный парижский вечер, который Гамаш провел с семьей и своим крестным отцом, миллиардером Стивеном Горовицем. Однако по пути домой Стивена сбивает машина, и это явно не несчастный случай, а самое настоящее покушение. Среди вещей потерпевшего обнаруживается странная находка – ключ от номера в фешенебельном отеле «Георг V». Зачем Горовицу отель, если он располагает собственной квартирой в Париже? Ужасное открытие, сделанное Арманом и его женой Рейн-Мари в квартире крестного, дает понять, что опасность гораздо больше и гораздо ближе, чем можно было предположить. Вскоре вся семья инспектора оказывается втянутой в паутину лжи и обмана... Чтобы узнать правду, Гамашу придется решить, может ли он доверять своим друзьям, коллегам, своей интуиции и, наконец, собственному прошлому. Ибо даже Город света отбрасывает длинные тени. И в этой тьме прячутся дьяволы. Впервые на русском!

УДК 821.111-312.4

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-20634-2

© Пенни Л., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Глава первая	11
Глава вторая	21
Глава третья	28
Глава четвертая	37
Глава пятая	42
Глава шестая	46
Глава седьмая	51
Глава восьмая	58
Глава девятая	61
Глава десятая	67
Глава одиннадцатая	74
Глава двенадцатая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Луиза Пенни

Все дьяволы здесь

Louise Penny
ALL THE DEVILS ARE HERE
Copyright © 2020 by Three Pines Creations, Inc.
All rights reserved

Перевод с английского Григория Крылова
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы
Иллюстрация на обложке Екатерины Бороздиной

© Г. А. Крылов, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

* * *

КНИГИ ЛУИЗЫ ПЕННИ
О СТАРШЕМ ИНСПЕКТОРЕ
АРМАНЕ ГАМАШЕ:

Убийственно тихая жизнь

•

Смертельный холод

•

Самый жестокий месяц

•

Каменный убийца

•

Жестокие слова

•

Хороните своих мертвецов

•

Разные оттенки смерти

•

Эта прекрасная тайна

•

Время предательства

•

Долгий путь домой

•

Природа зверя

•

Час расплаты

•

Стеклянные дома

•

Королевство слепых

•

Очень храбрый человек

•

Все дьяволы здесь

ЛУИЗА
ПЕННИ

Все дьяволы
здесь

АЗБУКА
Санкт-Петербург

*Посвящается Хоуп Деллон,
прекрасному редактору
и еще более прекрасному другу.
Доброта существует*

Глава первая

– Ад пуст, Арман, – сказал Стивен Горовиц.

– Ты это уже говорил. И что, все дьяволы здесь? – спросил Арман Гамаш.

– Ну, может, не прямо здесь, – сказал Стивен, раскинув руки.

Под «прямо здесь» подразумевался сад Музея Родена в Париже, где Арман и его крестный отец наслаждались несколькими спокойными минутами. Из-за стен до них доносился гул дорожного движения, шум и суета большого города.

Но «прямо здесь» царил покой. Глубокий покой, который приходит не только с тишиной, но еще и с дружескими отношениями.

С ощущением безопасности. В этом саду. В обществе друг друга.

Арман передал своему крестному *tartelette au citron*¹ и мимоходом огляделся по сторонам. Был теплый и приятный сентябрьский день. От деревьев, статуй, людей тянулись тени. Удлинялись к вечеру. Вытягивались.

Свет побеждал.

Детишки носились вокруг, смеялись и бегали по длинной лужайке перед дворцом. Молодые родители наблюдали за ними с деревянных скамей, ставших серыми от времени. Когда-нибудь поседеют и сами молодые родители. Но сейчас они расслабленно сидели на скамьях, радуясь тому, что у них есть дети, и особенно – тому, что в этом безопасном месте они могут на несколько минут отдохнуть от детей.

Трудно было себе представить менее вероятное место для появления дьяволов.

Но с другой стороны, подумал Арман Гамаш, где еще можно найти тьму, если не рядом со светом? Разве уничтожение сада не станет величайшим торжеством для зла?

Это случилось бы уже не в первый раз.

– Ты помнишь... – начал Стивен, и Арман повернулся к старику, точно зная, что тот собирается сказать, – как ты решил сделать предложение Рейн-Мари? – Стивен похлопал по скамейке, на которой они сидели. – Здесь, перед этим?

Арман посмотрел туда, куда указывала рука Стивена, и улыбнулся.

То была старая история. Стивен вспоминал ее при каждом удобном случае и, конечно, всякий раз, когда крестный и крестник совершали сюда паломничество.

Это было их любимое место в Париже.

Сад на территории Музея Родена.

Разве можно было найти место лучше этого, чтобы сделать предложение Рейн-Мари? Он купил кольцо. Отрепетировал слова. Шесть месяцев откладывал деньги на это путешествие из своей жалкой зарплаты скромного агента Квебекской полиции.

Он хотел привести женщину, которую любил больше всего на свете, в место, которое любил больше всего на свете. Чтобы попросить ее прожить с ним всю жизнь.

Его бюджета не хватило бы на отель, поэтому им пришлось бы остановиться в хостеле. Но он знал, что Рейн-Мари не будет возражать.

Они были влюблены и находились в Париже. А вскоре их ждала помолвка.

И тут Стивен в очередной раз пришел на помощь, предложив молодой паре свою великолепную квартиру в Седьмом округе Парижа.

Арман не в первый раз останавливался там.

Он практически вырос в этом роскошном здании эпохи османизации² с окнами от пола до потолка, выходящими на отель «Лютеция». В этой огромной квартире были паркетные полы,

¹ Лимонная таргалетка (*фр.*).

² *Османизация* – градостроительные работы, проводившиеся в Париже в период Второй империи (третья четверть

мраморные каминные и высокие-высокие потолки, отчего все комнаты казались светлыми и просторными.

Эта квартира с ее закутками и закоулками была настоящим раем для любознательного ребенка. Арман ни минуты не сомневался в том, что гардероб с ложными ящиками сделали специально для того, чтобы туда мог спрятаться маленький мальчик. Там были и другие сокровища, с которыми можно было играть, когда Стивен не смотрел.

И мебель, весьма подходящая для того, чтобы запрыгивать на нее.

Пока она не ломалась.

Стивен коллекционировал предметы искусства, и каждый день он выбирал какую-нибудь картину и рассказывал крестнику об этом художнике. О Сезанне. О Риопеле и Лемье. О Кенотуаке Ашевак.

С одним исключением.

Это была крохотная акварелька, висевшая на уровне глаз девятилетнего ребенка. Стивен никогда не говорил о ней, главным образом потому, что тут, мол, и говорить не о чем, – так он однажды сказал Арману. Акварель эта, в отличие от других картин, не принадлежала к числу шедевров. Но в ней было что-то необыкновенное.

После дня блужданий по великому городу они возвращались домой в изнеможении, и, пока Стивен готовил в тесной кухне *chocolat chaud*³, юный Арман рассматривал картины.

И каждый раз Стивен неизбежно находил мальчика перед маленькой акварелью – Арман всматривался в пространство, заключенное в рамку, словно в окно. Разглядывал тихую деревеньку в долине.

«Эта поделка ничего не стоит», – как-то раз сказал ему Стивен.

Стоила она чего-то или нет, акварель была фаворитом юного Армана. Эта картинка влекла его при каждом посещении крестного. Он сердцем чувствовал: то, что приносит такое умиротворение, стоит многого.

Арман подозревал, что его крестный придерживается того же мнения. Иначе он бы никогда не повесил ее среди всех других шедевров, находящихся здесь.

Стивен впервые привез девятилетнего Армана в Париж всего несколько месяцев спустя после того, как его родители погибли в автокатастрофе. Они вместе гуляли по городу. Гуляли молча, чтобы маленький мальчик мог предаваться своим мыслям.

Со временем Арман начал поднимать голову и замечать то, что находилось вокруг. Широкие бульвары, мосты. Собор Парижской Богоматери, Эйфелеву башню, Сену. Кафе с вынесенными на улицу столиками, за которыми сидели парижане, попивая кофе, пиво или вино.

На каждом перекрестке Стивен брал его за руку. Держал крепко. Пока они безопасно не переходили на другую сторону.

И постепенно юный Арман понял, что он в безопасности и всегда будет в безопасности рядом с этим человеком. И что он перейдет на другую сторону.

И медленно, очень медленно он стал возвращаться к жизни.

Здесь. В Париже.

Однажды утром его крестный сказал:

«Сегодня, *gaçon*⁴, мы идем в мое самое любимое место во всем Париже. А потом полакомимся мороженым в отеле „Лютеция“».

XIX века) по поручению Наполеона III под руководством барона Османа (префекта департамента Сена) и во многом определившие современный облик города.

³ Горячий шоколад (фр.).

⁴ Здесь: мальчик (фр.).

Они прогулялись по бульвару Распай и свернули налево на улицу Варенн с ее магазинами и ресторанами. Арман задерживался у витрин, разглядывал пирожные и печенье, *rains aux raisins*⁵.

У одной из таких витрин они остановились, и Стивен купил им по *tartelette au citron* и вручил бумажный пакетик Арману.

Наконец они пришли к воротам в стене. Заплатив за вход, вошли внутрь.

Арман, чьи мысли были только о вкуснятине в пакете, едва замечал окружающее, воспринимая его как некий долг, который необходимо выполнить перед вознаграждением.

Он открыл пакетик и заглянул внутрь.

Стивен положил руку на плечо мальчика и сказал:

«Терпение. Терпение. С терпением приходит возможность выбора, а с нею приходит сила».

Эти слова не имели никакого смысла для голодного девятилетнего мальчика, кроме того, что несли запрет немедленно приступить к поеданию сладостей.

Арман неохотно закрыл пакет и огляделся вокруг.

«Ну, что ты думаешь?» – спросил Стивен, увидев, как широко раскрылись глаза крестника.

Он понимал, что происходит в голове ребенка. По правде говоря, понять было не так уж и трудно.

Кто бы мог подумать, что подобное место вообще существует, пусть даже втиснутое, практически спрятанное за высокими стенами в центре большого города? Это был целый мир, сам по себе. Волшебный сад.

Если бы Арман был один, он бы прошел мимо, занятый мыслями о несъеденном пирожном, и так бы никогда и не узнал тайны этого мира. Никогда бы не увидел красивого дворца с высокими окнами и широкой террасой.

Отнюдь не пресыщенный, он уже привык к великолепным зданиям Парижа, которым не было числа. Но здесь его восхитил сад.

Ухоженные газоны, деревья в форме конусов. Фонтаны.

Но в отличие от Люксембургского сада, рассчитанного на то, чтобы производить впечатление, этот сад казался чуть ли не сокровенным.

А потом, здесь были статуи. Они стояли там и тут среди зелени. Словно в терпеливом ожидании. Ожидании прихода Армана и Стивена.

Время от времени из внешнего мира до них доносились вой полицейских сирен, автомобильные гудки, крики.

Но для Армана они только усиливали ощущение безграничной умиротворенности, которое он обрел, почувствовал в этом саду. Той умиротворенности, в которой он жил, пока не раздался тот осторожный стук в дверь.

Они медленно двинулись по саду, и Стивен впервые не вел мальчика, а следовал за ним. Арман останавливался перед каждой из роденовских статуй.

Но он продолжал оглядываться через плечо. На кучку людей неподалеку от выхода из сада.

В конце концов мальчик повел Стивена назад и остановился, ошеломленный, возле одной скульптуры.

«„Граждане Кале“, – сказал Стивен приглушенным голосом. – Во время Столетней войны английский король Эдуард осадил французский порт Кале».

Он посмотрел на Армана, проверяя, слушает ли его мальчик. Но понять что-либо по виду Армана было трудно.

⁵ Булочки с изюмом (*фр.*).

«Граждане города оказались в критическом положении. Блокада англичан не позволяла завезти в город съестные припасы. Французский король Филипп мог бы вступить в переговоры, чтобы освободить город. Но он ничего не сделал. Оставил подданных умирать от голода. И они стали умирать. Мужчины, женщины, дети».

Арман повернулся и уставился на Стивена. Возможно, мальчик не очень понимал, что такое война. Но смерть он знал.

«Король так поступил? Он мог сделать что-нибудь, но оставил их умирать?»

«Так поступили оба короля. Да. Чтобы одержать победу. Таковы уж войны. – Стивен заметил смятение и огорчение в темно-карих глазах мальчика. – Ты хочешь, чтобы я рассказывал дальше?»

«Oui, s'il vous plaît»⁶. Арман снова повернулся к скульптуре и этим людям, застывшим во времени.

«Когда казалось, что полной катастрофы не избежать, король Эдуард сделал нечто совершенно неожиданное. Он решил проявить милость к гражданам Кале. Но за это потребовал кое-что. Он пощадит город, если сдадутся шесть самых известных его граждан. Он не сказал напрямик, но все поняли, что этих шестерых ожидает казнь. В качестве меры предупреждения любому, кто будет ему сопротивляться. Они должны были умереть, чтобы остались в живых остальные».

Стивен увидел, как вздрогнули плечи Армана.

«Самый известный гражданин, Эсташ де Сен-Пьер, вызвался первым. Вот он. – Стивен показал на одну из статуй, изображавшую тощего мрачного человека. – К нему присоединились пятеро других. Им было приказано раздеться до нижнего белья, надеть петлю на шею и принести ключи от города и замка к большим воротам. Так они и сделали. Граждане Кале».

Арман поднял голову и заглянул в глаза Эсташа. В отличие от всех других скульптур, виденных им в Париже, в этой он не увидел никакого величия. Здесь не было ангелов, готовых вознести этих людей в рай. Эта жертва не была бесстрашной. Они не шли на великолепное мученичество твердым шагом и с высоко поднятой головой.

Мальчик увидел совсем другое. Боль. Отчаяние. Покорность.

Гражданам этого приморского города было страшно.

Но они все равно сделали то, что сделали.

У Армана задрожала нижняя губа и сморщился подбородок, и Стивен подумал, что он зашел далеко, слишком далеко, рассказывая маленькому мальчику эту историю.

Он прикоснулся к плечу крестника, и Арман развернулся и зарылся лицом в свитер Стивена, обхватил его руками, не обнимая крестного, а прижимаясь к нему. Так можно прижаться к колонне, чтобы тебя не унес ветер.

«Они спаслись, Арман, – поспешил сказать Стивен, опустившись на колени и обняв плачущего мальчика. – Их не казнили. Король пощадил их».

Арману потребовалось несколько секунд, чтобы осознать услышанное. Наконец он отстранился от крестного, отер лицо рукавом и посмотрел на Стивена:

«Правда?»

«Oui».

«Правда-правда?» – глотая слезы, переспросил Арман прерывающимся голосом.

«Правда-правда, garçon. Они все остались живы».

Мальчик задумался, уставившись на свои кеды, потом заглянул в ясные голубые глаза Стивена:

«А вы бы?..»

⁶ Да, пожалуйста (*фр.*).

Понимая, о чем спрашивает мальчик, Стивен чуть было не сказал: «Да, конечно», но вовремя спохватился. Этот мальчик заслуживал правды.

«Отдал бы я свою жизнь? Ради тех, кого я люблю, – да». Он сжал худенькие плечи мальчика и улыбнулся.

«А ради чужих людей?»

Стивен, который понемногу начал узнавать своего крестника, понял, что тот не удовлетворится простым ответом. В этом ребенке было какое-то спокойное упорство.

«Я надеюсь, что сделал бы то же самое. Но если честно, то я не знаю».

Арман кивнул, потом повернулся к скульптурной группе и распрямил плечи.

«Это было жестоко. – Он обращался к гражданам Кале. – То, что сделал король. Дал им понять, что они обречены на смерть».

Его крестный кивнул:

«Но, пощадив их, он проявил сострадание. Жизнь бывает жестокой, ты сам это знаешь. Но она может быть и доброй. Полной чудес. Ты должен помнить об этом. Тебе самому предстоит сделать выбор. По какому пути ты хочешь пойти? По тому, где несправедливость? Или по тому, где случаются чудесные события? Оба пути существуют, оба реальны. Это необходимо принимать. Но что для тебя важнее? – Стивен постучал по груди мальчика. – Ужасное или чудесное? Доброта или жестокость? Твоя жизнь зависит от твоего выбора».

«И от терпения?» – спросил Арман, и тут Стивен увидел то, чего не замечал раньше. Намек на озорство.

Но все-таки мальчик прислушался к нему. Все впитал. И Стивен Горовиц понял, что ему нужно быть внимательным и осторожным.

Перед скульптурой «Граждан» не было скамейки. И Стивен повел Армана к своему самому любимому творению Родена.

Они раскрыли бумажный пакет и принялись есть свои *tartelettes au citron* перед роденовскими «Вратами ада». Стивен говорил об этой выдающейся работе, стряхивая сахарную пудру со свитера Армана.

– Я все еще не могу поверить, – сказал Стивен пятьдесят лет спустя, когда они сидели перед той же скульптурой и поедали свои *tartelettes au citron*, – что ты решил сделать предложение Рейн-Мари перед «Вратами ада». Впрочем, эта идея родилась в том же самом мозгу, который счел хорошей идеей преподнести ее матери вантуз как подарок хозяйке в день знакомства.

– Ты и это помнишь.

Конечно, он помнил. Стивен Горовиц ничего не забывал.

– Слава богу, что ты посоветовался со мной, перед тем как делать ей предложение, *garçon*.

Арман улыбнулся. Вообще-то, в тот весенний день тридцать пять лет назад он явился в офис Стивена в Монреале вовсе не за советом. Он пришел туда просто сообщить крестному, что решил сделать предложение своей подруге.

Услышав это известие, Стивен вышел из-за стола, притянул к себе молодого человека и крепко обнял. После чего коротко кивнул и отвернулся. Вытащив из кармана платок, он несколько мгновений смотрел в окно. На гору Мон-Руаяль, самое высокое место в городе. На безоблачное небо.

Потом он повернулся и посмотрел на человека, которого знал с самого его рождения.

Тот обогнал его в росте. Стал крепким. Чисто выбритое лицо, волнистые темные волосы, темно-карие глаза, серьезные и добрые. И с тем же намеком на озорство.

Арман изучал в Кембридже английский язык, но по возвращении в Квебек, вместо того чтобы податься в адвокаты или в бизнес, как советовал ему крестный, молодой человек поступил в академию Квебекской полиции.

Он сделал свой выбор.

И еще он нашел чудо. Оно явилось ему в лице младшего библиотекаря Национальной библиотеки и архива в Монреале. Библиотекаря по имени Рейн-Мари Клутье.

Стивен пригласил крестника на ланч в «Риц», чтобы отпраздновать это.

«Где ты собираешься делать ей предложение?» – спросил Стивен.

«Догадайтесь».

«В Париже».

«Оui. Она никогда там не была».

Арман и его крестный каждый год посещали Париж. Исследовали город, открывая для себя новые места. А день заканчивали мороженым в отеле «Лютеция», расположенном напротив дома, в котором у Стивена была квартира. Официанты всегда суеились вокруг мальчика, даже когда он стал взрослым мужчиной.

Приемная бабушка Армана, Зора, воспитавшая мальчика, не одобряла его походы в отель, но Арман только годы спустя понял почему.

«Это будет нашей маленькой тайной», – говорил ему Стивен.

Стивена бабушка тоже не одобряла. Хотя и в этом случае Арман узнал причину лишь по прошествии многих лет. Как узнал и то, что *stème glacée*⁷ в «Лютеции» – самая скромная из тайн его крестного.

За бокалом шампанского в ресторане «Риц» в Монреале Арман рассказал Стивену о том, как он собирается делать предложение.

Когда он закончил, крестный уставился на него.

«Господи, *garçon*, – сказал Стивен. – „Врата ада“? Милостивый боже, и тебе доверили пистолет?»

Стивену тогда было под шестьдесят, мужчина в расцвете сил. Магнаты от бизнеса вокруг него были приструнены. Арман подозревал, что даже мебель побаивалась Стивена Горовица, когда он входил в комнату.

Дело было не только в силе его личности и огромном богатстве, которым он занимался, приобретая и владея, но и в его готовности использовать свои возможности и деньги, чтобы уничтожать тех, в ком он видел мошенников.

Иногда у него уходили на это годы, но в конечном счете он их сокрушал. Силой. И терпением. Стивен Горовиц обладал и тем и другим.

Он был искренне добр и открыто безжалостен. И когда он обращал свои пронзительные голубые глаза на жертву, ту пробирала дрожь.

Но не Армана.

Не потому, что он никогда не оказывался под прицелом, а потому, что он знал: Стивен никогда не причинит ему вреда. Арман и сам боялся причинить ему вред. Разочаровать его.

Он поспорил со Стивеном. Объяснил, что любит Рейн-Мари и любит тихий сад в центре Парижа.

«Где найти лучшее место для того, чтобы сделать предложение?»

«Не знаю, – ответил Стивен, буравя его ясными голубыми глазами. – В метро? В катакомбах? В морге? Да бога ради, *garçon*, где угодно, только не перед „Вратами ада“».

И после короткой паузы Арман рассмеялся. Он понял, на что намекает Стивен.

Сам он не думал о той скамье как о скамье перед «Вратами ада». Он думал о ней как о месте, где он обрел толику свободы от безысходной скорби. Возможность умиротворения. Где он нашел счастье с лимонной помадкой на подбородке и сахарной пудрой на свитере.

Вместе с крестным он нашел для себя святилище рядом с «Вратами ада».

«Я скажу тебе, где ты должен это сделать», – пообещал Стивен. И сказал.

То было тридцать пять лет назад.

⁷ Мороженое (*фр.*).

У Армана и Рейн-Мари было теперь двое взрослых детей. Даниель и Анни. И три внука. А в Париж их привело ожидаемое вскоре появление у Анни второго ребенка.

Арману исполнилось столько же лет, сколько было Стивену, когда у них состоялся разговор о том, где лучше делать предложение. Арман, более шести футов ростом и крепкого телосложения, уже почти полностью поседел, его лицо избородили морщины – следы прожитых лет и груза нелегких выборов, которые ему приходилось делать.

Глубокий шрам на виске говорил о том, какую плату требует его работа. Плату за право быть старшим офицером Квебекской полиции.

Но были и другие морщины. Более глубокие. Они начинались в уголках глаз и краев рта. Морщины смеха.

Они тоже говорили о тех выборах, которые делал Арман. И о грузе, который ложился на его плечи после каждого сделанного выбора.

Стивену стукнуло уже девяносто три, и хотя он становился все слабее, но все еще был грозен. Он по-прежнему каждый день приходил на работу и наводил ужас на тех, кому требовался страх если не перед Господом, то по крайней мере перед этим человеком.

Его конкуренты по бизнесу ничуть не удивились бы, узнав, что любимая скульптура Стивена Горовица – роденовские «Врата ада», включающие в себя знаменитого «Мыслителя», а под ним – души, падающие в бездну.

И снова крестный и крестник сидели бок о бок на скамье и ели пирожные под лучами солнца.

– Слава богу, что я убедил тебя сделать предложение в Люксембургском саду, – сказал Стивен.

Арман хотел было поправить его. На самом деле это произошло не в Люксембургском саду, а в другом.

Но он не сказал ни слова, только взглянул на своего крестного.

Не начал ли Стивен сдавать? Это было бы естественно в девяносто три года, но для Армана – немыслимо. Он протянул руку и стряхнул сахарную пудру с жилетки Стивена.

– Как поживает Даниель? – спросил Стивен, отводя руку Армана.

– Прекрасно. Теперь, когда девочки пошли в школу, Розлин вернулась на работу в дизайнерскую фирму.

– Даниель доволен своей работой здесь, в парижском банке? Он планирует остаться?

– Oui. Он даже получил повышение.

– Да, я знаю.

– Откуда ты знаешь?

– У меня деловые отношения с этим банком. Кажется, Даниель сейчас работает в отделе венчурного капитала.

– Да. Это ты?..

– Я ли посодействовал его повышению? Нет. Но мы с ним контактируем довольно часто, когда я в Париже. Мы разговариваем. Он хороший человек.

– Да, я знаю.

Арману показалось занятным, что Стивен почувствовал потребность сказать ему об этом. Словно он сам не знает собственного сына.

Но следующее, что сказал ему Стивен, было уже не столь занятным.

– Поговори с Даниелем. Помиришь с ним.

Эти слова потрясли Армана, и он повернулся к Стивену:

– Я что-то не понял.

– Тебе нужно помириться с Даниелем.

– Но мы помирились. И уже давно. У нас отличные отношения.

Проницательные голубые глаза впились в Армана.

– Ты в этом уверен?

– Что ты знаешь, Стивен?

– Я знаю, так же как и ты знаешь, что старые раны глубоки. Они могут загноиться. Но ты видишь это в других, а в своем сыне не замечаешь.

Арман почувствовал прилив гнева, но понял, откуда это пришло. Боль. А под ней – страх. Он залечил раны со своим старшим ребенком. Давно. Он был в этом уверен. Разве нет?

– О чем ты говоришь?

– Как ты думаешь, почему Даниель приехал в Париж?

– По той же причине, по которой сюда приехали Анни и Жан Ги. Они получили заманчивые предложения.

– И с тех пор между вами все хорошо?

– Случались кое-какие шероховатости, но – да, все хорошо.

– Я рад.

Однако Стивен не выглядел ни довольным, ни убежденным. Прежде чем Арман продолжил расспросы, Стивен сказал:

– Это твой сын. А что насчет твоей дочери и Жана Ги? Они хорошо устроились в Париже?

– Да. Есть кое-какие переходные трудности. Анни в декретном отпуске в своей адвокатской фирме, а Жан Ги приспосабливается к работе в частном секторе. Им пришлось попотеть.

– И неудивительно. Поскольку он больше не твой заместитель в полиции, он не может арестовывать людей, – сказал с улыбкой Стивен, хорошо знавший Жана Ги. – Это, должно быть, нелегко.

– Он действительно чуть было не арестовал коллегу, которая попыталась влезть перед ним в очередь за ланчем. Но он быстро учится. Ничего страшного не случилось. Хорошо, что он назвался Стивеном Горовицем.

Стивен рассмеялся.

Сказать, что переход старшего инспектора Бовуара из Квебекской полиции в многонациональную инженерную компанию в Париже требовал приспособления, было бы огромным преуменьшением.

А приспособление без пистолета было тем более затруднительным.

– То, что под боком находились Даниель и Розлин, здорово ему помогло.

Говоря это, Арман внимательно смотрел на крестного, стараясь понять, какую реакцию вызывают его слова.

Как один из старших офицеров Квебекской полиции и босс Жана Ги на протяжении многих лет, Гамаш умел читать по лицам.

Скорее исследователь, чем охотник, Арман Гамаш проникал в мысли людей, но главным образом в их чувства. Потому что там лежало объяснение их поступков.

Благородных действий. А также действий крайне жестоких.

Но как ни пытался Арман прочесть что-либо на лице крестного, ему это не удалось.

Какое-то время он думал, что находится в привилегированном положении и как никто другой понимает этого удивительного человека. Но с годами ему начало казаться, что все совсем наоборот. Возможно, он был слишком близок со Стивеном. Возможно, другие видели Стивена яснее, полнее, чем мог увидеть он.

Он все еще видел того человека, который взял его за руку и подарил чувство безопасности.

Другие, вроде бабушки Зоры, видели что-то другое.

– Как дела у Анни? – спросил Стивен. – Они готовы к этому ребенку?

– Готовы в той мере, в какой это возможно, я думаю.

– Это было важное решение.

– Oui. – Не имело смысла отрицать это. – Она должна родить со дня на день. Ты увидишь их сегодня за ужином. Я заказал для всех нас столик в «Жювениль». В восемь часов.

– Превосходно. – Стивен расстегнул молнию на внутреннем кармане, достал тоненький ежедневник и показал Арману приписку к немногим пунктам его планов на этот день. – Я так и предполагал.

На листочке уже было написано: «Семья» и «Жювениль».

– Мы с Рейн-Мари заскочим за тобой.

– Non, non. Я тут договорился кое с кем посидеть за рюмкой. Потом приеду прямо туда. Взгляд Стивена был прикован к «Мыслителю».

– О чем ты думаешь? – спросил Арман.

– О том, что я не боюсь смерти. Я только немного боюсь попасть в ад.

– Почему ты так говоришь? – спросил потрясенный Арман.

– Это естественный страх девяностотрехлетнего старика, пересматривающего свою жизнь.

– И что ты там увидел?

– Слишком много мороженого.

– Невероятно. – Арман немного помолчал, прежде чем заговорить. – Я вижу хорошего человека. Отважного человека. Мир стал лучше, потому что в нем есть ты.

Стивен улыбнулся:

– Очень мило с твоей стороны, но всего про меня ты не знаешь.

– Ты хочешь мне что-то сообщить?

– Non, не хочу. – Он схватил Армана за запястье и пристально взглянул на него. – Я всегда говорил тебе правду.

– Я знаю. – Арман положил свою теплую ладонь на холодную руку Стивена и слегка сжал. – Когда мы только сели, ты сказал, что ад пуст и все дьяволы здесь. Что ты имел в виду?

– Это одна из моих любимых цитат, ты же знаешь, – сказал Стивен.

Арман и в самом деле знал. Стивен любил использовать эти строчки из «Бури» Шекспира, чтобы выводить из себя конкурентов, коллег. Друзей. Незнакомцев в самолете.

Но на этот раз в его словах слышалось что-то другое. На этот раз Стивен кое-что добавил. Что-то такое, чего Арман никогда раньше от него не слышал.

Что-то особенное.

– Ты сказал, что прямо здесь никаких дьяволов нет. – Арман поднял руки, подражая жесту Стивена. – Почему ты это сказал?

– А черт меня знает. Я старик. Перестань ко мне придирааться.

– И если они не здесь, то где?

Облака закрыли от них солнце, и в тени стало прохладнее.

– Уж ты-то должен знать. – Стивен повернулся к нему. Это было неторопливое, обдуманное движение. – Ты довольно часто встречал их. Ты зарабатываешь себе на жизнь охотой на дьяволов. – Его голубые глаза встретились с карими глазами Армана. – Я очень горжусь тобой, сынок.

Сынок.

Стивен никогда не называл его так. Ни разу за пятьдесят лет.

Çaçon – да. Мальчик. Это говорилось с любовью, но это не то же самое, что «сынок».

Арман знал, что Стивен всегда избегал этого слова. Чтобы не повредить его памяти об отце и не посягнуть на место отца в жизни Армана.

Но теперь он произнес это слово. Оговорка? Свидетельство возраста и слабости? Защита поизносилась и позволила раскрыться его истинным чувствам в этом коротеньком слове?

– Не волнуйся из-за дьяволов, Арман. Сегодня прекрасный сентябрьский вечер, мы в Париже, и скоро у тебя появится еще одна внучка. Жизнь прекрасна. – Стивен похлопал

Армана по колену, а потом поднялся, опершись на то же колено. – Идем, garçon. Ты можешь проводить меня домой.

Они, как всегда, остановились перед «Гражданами», чтобы взглянуть в эти мрачные, решительные лица.

– Помни. – Стивен повернулся и посмотрел на своего крестника.

Арман выдержал его взгляд и кивнул.

Потом они медленно пошли по улице Варенн. Когда они переходили на другую сторону, Арман взял Стивена под руку. Они прошли мимо антикварного магазина и остановились у кондитерской, где Арман купил для Рейн-Мари ее любимые pain aux raisins escargot⁸. И круасан Стивену на завтрак.

У большой лакированной двери красного дерева на входе в дом Стивена старик сказал:

– Давай расстанемся здесь. Я, пожалуй, перейду на другую сторону в отель «Лютеция» выпить аперитив.

– Под аперитивом ты имеешь в виду мороженое?

И только идя по Аркольскому мосту по пути в их квартиру в квартале Маре, Арман понял, что не добился от Стивена ответа на свой вопрос. Или, может, Стивену удалось отвлечь его внимание.

Подальше от дьяволов. Тех, что находились где-то здесь. В Париже.

⁸ Булочка-улитка с изюмом (фр.).

Глава вторая

Жан Ги Бовуар почти почувствовал, как в комнату проникает холод, несмотря на то что в окно его кабинета светило солнце.

Он оторвал взгляд от монитора, уже зная, кого увидит. Появление его заместителя сопровождалось не только понижением температуры, но и легким ароматом. И хотя Бовуар знал, что прохлада – это игра его воображения, запах был вполне реален.

И конечно, в дверях появилась Северин Арбур. На ее лице была обычная деликатно-снисходительная улыбка, которая дополняла ее дизайнерский наряд подобно шелковому шарфу. Бовуар не настолько хорошо разбирался в моде, чтобы определить, что предпочитает мадам Арбур – «Шанель», «Ив Сен-Лоран» или «Живанши». Но после приезда в Париж он хотя бы познакомился с этими названиями. И научился узнавать *haute couture*⁹, когда видел таковую.

Именно ее он теперь и лицезрел.

В свои сорок с хвостиком элегантная и изящная мадам Арбур была сама *soignée*¹⁰. Парижанка до мозга костей.

Единственная вещь, название которой он точно знал, если говорить о мадам Арбур, был ее запах.

«Саваж» от «Диор». Мужской одеколон.

Бовуар спрашивал себя, не является ли ее запах неким посланием, и подумывал, не сменить ли ему одеколон с «Брюта» на «Босс». Но решил не делать этого. Отношения между ними и без того были сложными, чтобы затевать войну запахов с его заместителем.

«Многие женщины пользуются мужской парфюмерией, – объяснила ему Анни, когда он рассказал об этом. – А мужчины часто пользуются женской. Это просто маркетинг. Если тебе нравится запах, то почему бы и нет?»

Она пообещала ему десять евро, если он воспользуется ее туалетной водой, когда пойдет на следующий день на работу. Он поддался на ее провокацию. И тут судьба сыграла с ним злую шутку: его непосредственный босс Кароль Госсет именно в этот день пригласила его на ланч. В первый раз.

Бовуар явился в ее частный клуб «Cercle de l'Union Interalliée»¹¹, распространяя аромат «Клиник». Тот самый аромат, который окутывал и саму мадам Госсет, старшего вице-президента инженерного гиганта.

В конечном счете это пробудило в нем симпатию к ней.

Анни в тот день, по принципу *quid pro quo*¹², надушилась «Брютом». Ее коллеги-мужчины до этого дня относились к ней приветливо, но сдержанно. Ждали, когда *avocate* из Квебека покажет себя. Но в тот день они вроде бы успокоились. Даже стали относиться к ней с большим уважением. Она и ее аромат были приняты в коллектив.

Как и ее отец, Анни Гамаш не стала поворачиваться спиной к своей удаче. Она продолжала использовать этот одеколон вплоть до того дня, когда ушла в декретный отпуск.

Жан Ги, со своей стороны, больше не пользовался ее туалетной водой, хотя и предпочитал этот теплый запах своему «Брюту». Туалетная вода пахла Анни, и это всегда успокаивало его и радовало.

Северин Арбур стояла в дверях с приятной улыбкой на лице, в которой присутствовали нотка неопределенного негодования и намек на самодовольство.

⁹ Высокая мода (*фр.*).

¹⁰ Здесь: ухоженность (*фр.*).

¹¹ «Круг межсоюзнических связей» (*фр.*).

¹² Здесь: баш на баш (*лат.*).

Неужели она выжидала, искала благоприятной возможности, чтобы нанести ему удар ножом в спину? Бовуар предполагал, что так оно и есть. Но еще он знал, что в сравнении с brutальными нравами, царившими в Квебекской полиции, отношения внутри этой многонациональной корпорации были просто образцом толерантности.

По крайней мере, нож, который вонзится ему в спину, будет фигуральным.

Бовуар надеялся, что со временем мадам Арбур примирится с ним как с главой отдела. Но все, что происходило в эти почти пять месяцев его работы в Париже, вело лишь к усилению взаимных подозрений.

Он подозревал, что она копает под него.

Она подозревала, что он некомпетентен.

Какая-то часть Жана Ги Бовуара признавала, что, возможно, они оба правы.

Мадам Арбур села на стул напротив него и устала на него терпеливый взгляд.

Бовуар знал: она делает это, чтобы досадить ему. Но у нее ничего не получится. В этот день ничто не может его расстроить.

Его второй ребенок вот-вот должен был появиться на свет.

Анни пребывала в добром здравии, как и их маленький первенец Оноре.

У Жана Ги была работа, которая нравилась ему, пусть даже он пока не разобрался в ней до конца.

Они жили в Париже. В Париже, только представьте себе!

Если честно, для него все еще оставалось загадкой, как сопливый мальчишка, игравший на улицах монреальского Ист-Энда в хоккей с мячом, проделал путь до администратора в Париже.

Приподнятому настроению Бовуара способствовало и то, что была пятница, конец рабочей недели. Из Монреаля прилетели Арман и Рейн-Мари Гамаш, и сегодня у них будет большой семейный ужин в их любимом бистро.

– Oui? – сказал он.

– Вы хотели меня видеть? – спросила мадам Арбур.

– Нет. С чего вы это взяли, Северин?

Она кивнула в сторону его ноутбука:

– Я отправила вам документ. О проекте постройки фуникулера в Люксембурге.

– Да. Я как раз его читаю.

Он не стал говорить, что уже дважды перечитал проект, но до сих пор не понял, что это такое. Кроме того, что речь идет о подъемнике для доставки людей на вершину скалы. В Люксембурге.

– Вы что-то хотите сказать по поводу этого проекта? – Он снял очки.

День шел к концу, и глаза у него подустали, но черт его возьми, если он будет тереть их руками.

Жан Ги Бовуар инстинктивно понимал, что было бы ошибкой продемонстрировать этой женщине какую-либо из его слабостей. Физических, эмоциональных, интеллектуальных.

– Я просто подумала, что у вас могут возникнуть какие-то вопросы, – сказала мадам Арбур.

И замолчала в ожидании.

Бовуар не мог не признать, что она начинает притуплять его ощущение благополучия.

Он привык иметь дело с преступниками. Не с мелкими воришками или идиотами, устраивающими пьяные дебоши, а с худшими из худших. С убийцами. И с одной сумасшедшей поэтессой с уткой.

Он научился не позволять им забираться ему в голову. За исключением утки, конечно.

А вот Северин Арбур каким-то образом забралась ему под кожу. Правда, в голову пока не проникла. Хотя и пыталась.

И он знал почему. Даже пьяные дебоширы могли бы сообразить.

Она хотела занять его место. Считала, что должна заполучить его должность.

Он почти сочувствовал ей. В конце концов, это просто чудесная работа.

Каждую пятницу Бовуар ходил на ланч в ближайший ресторанчик со своим боссом Кароль Госсет. Но предыдущий ланч состоялся на высоте тридцати тысяч футов, в корпоративном самолете, когда они летели в Сингапур.

За две недели до этого Бовуар побывал в Дубае.

Первое его путешествие было на Мальдивы, с целью проинспектировать систему защиты рифов, которую оборудовала их компания на крохотном атолле в Индийском океане. Он с трудом отыскал этот островок в группе других неподалеку от южной оконечности Индии.

За месяц до этого он гонялся за преступником по затянутой ледяной коркой земле Квебека и боролся за его жизнь. Теперь он ел лангустина из тонкого фарфора и летал на тропические острова в частном самолете.

В полете мадам Госсет, женщина лет пятидесяти пяти, маленькая, кругленькая, добродушная, просвещала его в вопросах корпоративной психологии. А именно почему они берутся за одни проекты и отказываются от других.

Инженер-механик по специальности, с ученой степенью, полученной в Политехнической школе в Лозанне, она доходчиво объяснила ему, что такое инженерное дело, не сбиваясь на инфантильный тон, которым пользовалась мадам Арбур.

Бовуар неожиданно обнаружил, что все чаще и чаще обращается к мадам Госсет за наставлениями, за информацией, просит объяснить суть тех или иных проектов. Даже в тех случаях, когда ему следовало бы обратиться к своему заместителю, он избегал мадам Арбур и отправлялся напрямик к мадам Госсет. И ей, похоже, нравилась роль наставника по отношению к исполнительному директору, которого она сама и наняла на работу.

Впрочем, она осторожно намекнула ему, что он должен больше полагаться на своего заместителя.

– Пусть вас не отпугивают ее манеры, – сказала мадам Госсет. – Северин Арбур – превосходный специалист. Нам повезло, что мы ее нашли.

– Разве компания, в которой она работала, не обанкротилась?

– Они объявили себя банкротами, да. Залезли в долги.

– Тогда это ей повезло, что она нашла работу, – сказал Бовуар.

Мадам Госсет в ответ только пожала плечами на красноречивый галльский манер. Этот жест мог иметь много смыслов. И в то же время ни одного.

Жан Ги погрузился в молчание и вернулся к чтению документа, который мадам Госсет вручила ему, когда они поднялись на борт самолета. О кораллах, потоках и ограждениях. О морских торговых путях и о чем-то под названием «последствия антропогенного воздействия».

Наконец на девятом часу десятичасового полета на Мальдивы он задал вопрос, который ему до смерти хотелось задать, хотя он немного побаивался ответа:

– Почему вы наняли меня? Я не инженер. Вы, должно быть, знаете, что я едва понимаю, что здесь написано.

Он поднял со стола пачку бумаги. Подспудно он подозревал, что его приняли за другого Жана Ги Бовуара. Что где-то в Квебеке есть очень квалифицированный инженер, который не может понять, почему ему не досталась работа в ГХС Инжиниринг.

– Я все ждала, когда вы спросите, – сказала мадам Госсет с добродушным смехом. Продолжая улыбаться, она посмотрела на него проницательным взглядом. Умным. – А вы как думаете?

– Я думаю, что вы думаете, будто в компании что-то идет не так.

Это, конечно, был еще один вариант. Она наняла того самого Жана Ги Бовуара, какого и хотела. Ведущего следователя Квебекской полиции. Опытного, знающего. Но не в области инженерного дела, а в области поимки преступников.

Мадам Госсет, откинувшись на спинку кресла, внимательно посмотрела на него:

– Почему вы это сказали? Что-то случилось?

– Non, – осторожно ответил он. – Просто такая мысль.

По правде говоря, ему ничего подобного не приходило в голову, пока он не произнес эти слова. Но когда произнес, то понял, что это вполне вероятно.

– Иначе зачем нанимать копа на высокую административную должность, когда совершенно понятно, что на этом месте должен сидеть инженер?

– Вы недооцениваете себя, месье Бовуар. У нас и без того много инженеров. Пруд пруди. Eh bien¹³, еще один инженер был бы совсем не то, что нам требуется.

– А что вам требуется?

– Набор навыков. Жизненная позиция. Лидер. Вы убеждали мужчин и женщин идти за вами в ситуациях, когда ваша жизнь висела на волоске. Я читала отчеты. Просмотрела видео, выложенное в Сеть.

Бовуар ощетинился, услышав эти слова. То украденное видео не должно было появиться в Интернете. Но оно появилось, и теперь уже невозможно что-то изменить.

– Но вы ведь не ждете, чтобы я делал для вас что-то подобное, – сказал он, выдавливая из себя улыбку.

– Вести нас в бой? Надеюсь, этого не понадобится. Из меня бы получилась неплохая цель. – Она рассмеялась и похлопала ладонями по своему внушительному животу. – Нет. Вы возглавляете новый отдел, созданный для того, чтобы обеспечить еще один уровень контроля. Каждый проект проходит тщательную оценку, прежде чем мы заявляем о том, что готовы взяться за него. Проект должен быть прибыльным и предлагать некоторые выгоды всему населению.

Бовуар уже обратил на это внимание. Это была одна из причин, почему он согласился на работу в ГХС. Как отец одного ребенка, ожидающий второго, он стал ощущать некие пугающие истины касательно состояния мира.

ГХС проектировала дамбы и шоссейные дороги, мосты и самолеты.

Но не менее половины проектов составляли гидроочистительные сооружения, методы предупреждения эрозии. Альтернативы ископаемым видам топлива. Помощь при стихийных бедствиях.

– Но, – сказала мадам Госсет, прерывая поток его мыслей, и наклонилась вперед, – всегда мудро иметь объективных наблюдателей, которые будут гарантировать, что все идет в соответствии с планами. И этим занимается ваш отдел.

– Значит, у нас все в порядке? – спросил он.

– Я не об этом. – Она тщательно выбирала слова. – Одно дело – иметь философию. А другое дело – проводить ее в жизнь. Вот чего мы ждем от вас. Не предлагать планы – это делают другие, – а обеспечивать, чтобы они... какое тут слово поточнее? Не были извращены.

– Вы подозреваете коррупцию?

– Нет-нет, я говорю о другом. Мы озабочены тем, чтобы некоторые проект-менеджеры из лучших побуждений не стали бы срезать углы. Это легко сделать. Не обманывайтесь внешними атрибутами. – Она оглядела салон корпоративного самолета. – Успех такого рода приходит в условиях стрессовых ситуаций. Есть сроки, штрафы, банковские кредиты, резкие смены режима работ. И наши люди застревают посередине. Приоритеты могут размываться. Некоторые сотрудники в подобных ситуациях выбирают не качество, а скорость. А если случается

¹³ Здесь: в общем (фр.).

что-то непредвиденное, пытаются это скрыть. Не потому, что они плохие. А потому, что они люди. И это ведет к трагедии.

– И плохо для бизнеса, – добавил Бовуар.

Мадам Госсет развела руками. Это была очевидная истина. Взяв чашку с чаем, она сделала глоток и сказала:

– Вам знаком такой поэт – Оден?

«Вот черт, – подумал Бовуар. – Только не это». Ловушка ждала его на высоте в тридцать тысяч футов. Да что такое происходит с боссами?

– Я слышал о нем. – «О ней?»

– «И трещина в чашке откроет / Тропинку в страну мертвецов»¹⁴.

– В вашей чашке трещина? – спросил Бовуар.

Мадам Госсет улыбнулась и поставила чашку:

– Если и есть, то я об этом не знаю. А если трещина появляется, то ваша обязанность обнаружить ее.

Теперь он понял, что она имеет в виду. И каким-то чудом понял, о чем писал Оден.

– Но как я могу обнаружить неурядицы, если я не знаю, что такое «урядицы»?

– Вот почему в вашем отделе куча инженеров, включая Северин Арбур. Она первоклассный инженер. Используйте ее. – Мадам Госсет вперила взглядом в Бовуара. – Доверяйте ей.

Он кивнул, но про себя подумал: ну если Арбур такой выдающийся инженер, то почему она работает в его отделе, а не занимается проектированием?

– Значит, термин «контроль качества» вводит в заблуждение. На самом деле это полицейская операция. А я – страж порядка? – спросил Бовуар, вгрызаясь в профитроль.

– Вы должны были подозревать это, когда нашли кастет в вашей приветственной корзинке.

Бовуар рассмеялся.

– Нет, вы не страж порядка, – сказала мадам Госсет. – Вы наша страховочная сеть. Наша последняя надежда, если дела пойдут по дурному сценарию. Вы должны предотвращать решения, которые могут привести к катастрофе. – Она уставилась на него очень серьезным взглядом. – Я не предполагаю этого, не подозреваю, что это случится. Но мне нужна полная уверенность.

«Интересно, что она говорит „я“, а не „мы“», – подумал Бовуар.

– Я объяснила вам, почему я вас приняла, а теперь вы расскажите, почему вы согласились. Прежде вы не раз отвергали предложение.

Она была права. Два раза он отклонял их предложение, но в третий согласился. А причина?

Он устал, работа в Квебекской полиции достала его. Он возглавлял отдел по расследованию убийств, после того как его наставник, шеф и тесть Арман Гамаш был отстранен от должности.

Бовуар был свидетелем того унижения, которому подвергся Гамаш. Несправедливые обвинения в правонарушениях. Неспособность политиков защитить и оправдать Гамаша. А ведь они прекрасно знали, что он действовал только в интересах службы и граждан.

Старший инспектор Бовуар был восстановлен в правах после такой же унижительной серии расследований.

Каждый день они сталкивались с убийцами. Каждый день подвергали опасности свою жизнь.

¹⁴ Строки из стихотворения англо-американского поэта Уистена Хью Одена (1907–1973) «Как-то вечером я вышел» («As I Walked out One Evening»).

А их за это делали козлами отпущения. Привязанными к колышку, на съедение политикам, ищущим переизбрания.

Их зарплата была скромной по сравнению с тем, что платили в бизнесе, риски были неизмеримыми, а находить награды становилось все труднее и труднее. У Жана Ги была молодая семья, и он надеялся увидеть, как она увеличится. Он ждал рождения дочери, которой понадобятся оба родителя.

И потому, когда ГХС Инжиниринг сделала ему предложение в очередной раз, назвала жалованье, которое они готовы ему платить, и сообщила, что место его работы будет в Париже, они обсудили это с Анни. И дали согласие.

Так Жан Ги Бовуар оставил службу в полиции, как раз ко времени возвращения старшего инспектора Гамаша. Бовуар вернул бразды правления тому, кто возглавлял отдел прежде и собирался возглавлять в будущем.

Но он не стал рассказывать мадам Госсет все эти подробности.

– Для меня настало время перемен, – просто ответил он, когда стюард унес их тарелки.

И перемены определенно наступили. Пусть и не настолько радикальные, как он надеялся.

– Что произойдет, если я обнаружу, что что-то не так?

– Вы придете ко мне.

– Как я смогу узнать, что – как это вы сказали? – трещина в чашке не была инициирована сверху? Такое, видите ли, часто случается. Начинается там.

– Oui. Я думаю, что в этом случае и пригодятся ваши исследовательские таланты. – Мадам Госсет снова подалась вперед, в то время как самолет заложил вираж, готовясь к посадке посреди громадного и невероятно голубого океана. – *Voions*¹⁵, у меня нет ни малейших оснований подозревать, что происходят какие-то нарушения. Если такие основания появятся, я вам о них сообщу. Вы здесь для того, чтобы не позволить нам, намеренно или нет, «открыть тропинку в страну мертвецов». – Ее взгляд стал жестким. Чуть ли не свирепым. – Мы проектируем вещи, которые улучшают жизнь людей. Но если плоды наших трудов рушатся, они уносят жизни. Мы должны быть стопроцентно уверены. Вы понимаете?

Она уставилась на него таким пронзительным взглядом, что Бовуар опешил. До этого момента он видел предложенную ему работу с другой перспективы.

Мягкая посадка после жестоких реалий Квебекской полиции. Жалованье гораздо больше, чем он когда-либо надеялся получить. Они будут в безопасности. Они будут жить с комфортом. Они будут в Париже.

Теперь он увидел свою работу с перспективы мадам Госсет.

На кону стояли жизни людей. И его работа состояла в том, чтобы ни одна жизнь не была потеряна.

– Но я физически не смогу держать на контроле все проекты, – сказал он. – Их не одна сотня.

– У вас для этого есть штат сотрудников. Не беспокойтесь. Когда вы привыкнете, у вас разовьется чутье на нарушения. Вы будете чують их запах.

«Чують?» – чуть не вырвалось у него. В чем, по ее мнению, состоит расследование? И все же он вынужден был согласиться: если совершаются какие-то нарушения, то появляется особый запах.

В последующие дни и месяцы Жан Ги Бовуар размышлял об этом разговоре. Он вспомнил о нем теперь, глядя на своего заместителя, источавшего запах «Диор» и негодование.

– Я думаю, что сумею разобраться с люксембургскими планами, Северин. Merci. Как продвигаются дела с патагонским проектом?

¹⁵ Видите ли (*фр.*).

Какая-то его часть симпатизировала мадам Арбур. Но если она до сих пор не приняла его, не согласилась с его назначением, то одному из них придется уйти.

«И ушедшим буду не я», – сказал себе Бовуар.

– С патагонским? Я ничего о нем не знаю. – Она встала. – Извините. У меня создалось впечатление, что вы захотите поговорить о люксембургском проекте.

– Почему вы так подумали?

– Потому что на следующей неделе там пройдут последние испытания на безопасность.

Может быть, вы захотите присутствовать?

– Не вижу для этого оснований. Может быть, вы хотите поехать? Вы поэтому пришли?

– Нет-нет. С этим все в порядке.

Даже по стандартам Северин Арбур это был странный и обескураживающий разговор.

– Вы хотите что-то сказать о люксембургском проекте, Северин?

– Нет.

Она покинула его кабинет, и Жан Ги подумал, что ему следовало бы посмотреть доклад по Люксембургу. Еще раз. Но уже шел шестой час. Ему нужно было спешить домой, чтобы покормить Оноре и дать Анни возможность вздремнуть перед ужином.

Люксембург может подождать.

Сняв свой пиджак со спинки стула, он прошел в соседний кабинет, где сидела мадам Арбур, и сказал:

– Я уйду домой. Желаю хорошего уик-энда.

Она подняла на него взгляд, потом снова уставилась на монитор. Без единого слова.

Оставшись одна, Северин Арбур огляделась. Она понимала, что сейчас близка к точке невозврата, как это называют летчики. Еще один удар по клавише, и она будет полностью и безвозвратно в этом потоке действий.

В окне она видела вдали Эйфелеву башню.

Чудо французской инженерной мысли. Монумент инновации и дерзости. Что-то такое, чем можно гордиться.

Потом мадам Арбур вернулась к ноутбуку и нажала «отправить».

Взяв свою сумку от «Шанель», она поспешила прочь, задержавшись на несколько секунд, чтобы отметить в книге ухода.

– Хорошего уик-энда, – сказал охранник, осмотрев содержимое ее сумки.

Северин Арбур улыбнулась, пожелала и ему хороших выходных, после чего вышла и направилась в метро.

Теперь пути назад не было.

Глава третья

Когда они вышли на улицу Архивов, Рейн-Мари Гамаш взяла мужа под руку, и они двинулись в сторону автобусной остановки на улице Катр-Фис.

Арман предложил взять такси, чтобы доехать от их квартиры в Маре до ресторана, но Рейн-Мари предпочла автобус. Она хорошо знала этот маршрут. Тот самый маршрут, который всегда подтверждал, что она в Париже.

– Ты помнишь, когда мы в первый раз сели в этот автобус? – спросила она.

Он слышал ее слова, но думал о том, как Рейн-Мари в первый раз взяла его под руку. Вот так же, как сейчас.

Это было их третье свидание, и они шли после ужина по скользкому зимнему тротуару в Монреале.

Он предложил ей руку, чтобы не упала, и в тот же самый момент Рейн-Мари протянула руку к нему.

Чтобы не упал он.

Она взяла его под руку. Чтобы их судьбы переплелись. Если один из них потеряет равновесие, то другой его поддержит. Или они упадут вместе.

– На тебе был синий плащ, который дала поносить твоя мать, – сказал Арман, вспоминая тот морозный вечер.

– На мне было платье в горошек, которое я одолжила у сестры, – сказала Рейн-Мари, вспоминая тот теплый день.

– Это было зимой, – сказал он.

– В самый разгар лета.

– «О да, – произнес он в вечерний воздух. – Я прекрасно это помню»¹⁶.

– Врунишка, – рассмеялась она, узнав цитату.

Он улыбнулся. И сжал ее руку. Они проходили мимо мужчин и женщин, молодых и старых, влюбленных и незнакомых, идущих, как и они, по улице Катр-Фис.

– Ты готова? – позвал Даниель, глядя наверх по лестнице.

– Папа, а нам с вами можно? – спросила Флоранс.

На ней и ее сестренке уже были фланелевые пижамки, привезенные бабушкой и дедушкой из Квебека.

По пижаме Флоранс бродил лось, на пижаме Зоры играли черные медвежата.

Сестры стояли бок о бок в гостиной и смотрела на отца.

– Non, mes petits singes¹⁷, – сказал Даниель, опускаясь на колени. – Вы должны будете оставаться здесь и играть с двоюродным братиком.

Они посмотрели на Оноре, который уснул на одеяле на полу.

– С ним особо не поиграешь, – неуверенно сказала Зора.

Тетя Анни рассмеялась из глубин своего кресла. Няньки уже появились. Оставалось только дожждаться Розлин.

– Судя по толчкам, – сказала Анни, положив руку на живот, – следующая, наверно, никогда не будет спать. Хотите потрогать?

Девочки бросились к ней, обгоняя друг друга, и, пока они прикладывали ладошки к животу Анни, Даниель сказал Жану Ги:

¹⁶ Вступительная строка песни с таким же названием, авторы Алан Дж. Лернер и Фредерик Лоу.

¹⁷ Нет, мои маленькие обезьянки (*фр.*).

– Я это помню. – Его низкий голос звучал мягко, задумчиво. – Помню беременности Розлин. Это казалось невероятным.

Жан Ги смотрел на Анни, которая улыбалась и кивала, слушая девочек. Шестилетняя Флоранс, старшая, пошла в мать. Гибкая, спортивная, неутомимая.

Зора пошла в отца. Крупнокостная, чуть неловкая, застенчивая. Если Флоранс была непоседливой, гоняла мячик, наталкивалась на фонарные столбы, царапала колени, спрыгивая с качелей, то Зора была спокойнее, мягче. Задумчивее.

Если Флоранс решала, что она боится птиц, принималась визжать и убегать в парке, то Зора стояла с пригоршней хлебных крошек и кормила птиц.

Глядя на них, Жан Ги был так благодарен за то, что их еще не родившейся дочери будет с кем играть, а кроме того, у нее будет Оноре, который уже был безраздельно ей предан, как старший брат. Ей это понадобится. Ему. Им.

А что обретет Оноре в своей сестренке?

Любовь до конца жизни, надеялся Жан Ги. И ответственность.

Он посмотрел на спящего сына и почувствовал укол вины за то, что его сыну без его согласия вручают такие подарки.

– Я пришла, – сказала Розлин, спеша вниз по лестнице из спальни. – Извините за опоздание. Ну-ка, давай я тебе помогу.

Она протянула руку, и они втроем вытащили Анни из кресла.

– Вы слышали глухой звук? – спросил Жан Ги.

– Отцепись, – сказала Анни.

Она взяла его под руку, и он прижимал ее к себе, пока они спускались по лестнице в прохладный сентябрьский вечер.

Арман и Рейн-Мари вышли из автобуса на знакомой остановке. У Национальной библиотеки.

Арман огляделся. Их попутчикам, выходящим из автобуса, могло показаться, что он просто ориентируется на местности.

На самом же деле глава отдела по расследованию убийств Квебекской полиции проверял улицу. Инстинктивно отмечал ресторанчики, магазины. Двери, переулки. Пешеходов. Легковушки и грузовики.

Париж был плохо защищен от насилия. В его недавнем прошлом была трагическая история террористических атак.

Хотя Арман чувствовал себя в городе вполне безопасно, он постоянно фиксировал обстановку. Правда, то же самое он делал и дома, выгуливая собак в лесу.

Они прошли по улице Ришелье и менее чем через минуту оказались у *bar à vins*¹⁸ с витриной, заполненной бутылками.

Дочка хозяина, Марго, встретила их поцелуями и объятиями.

Марго, теперь взрослая замужняя женщина, была здесь и тридцать пять лет назад, когда Гамаша убежала в «Жювениль», промокнув под неожиданным ливнем, и решила здесь пообедать.

Марго тогда было всего пять, а она уже работала в баре.

Ее отец наклонился и что-то шепнул ей на ухо, показывая на Гамашей. Девочка подошла к ним с белым льняным полотенцем, перекинутым через руку, и серьезным тоном предложила им лучшее красное вино из Андалусии.

Она тщательно выговорила название, а потом вернулась к отцу, который одобрителем кивнул и улыбнулся молодой паре.

¹⁸ Винный бар (*фр.*).

Теперь в ресторане заправляла Марго, а ее муж Роман был шеф-поваром. Однако Тим оставался владельцем, и его по-прежнему называли Большим Боссом.

Сегодня вечером на столе уже стоял, ожидая их, знакомый графин. Они пришли первыми и сели за их обычный длинный стол у стойки бара.

Арман и Рейн-Мари поболтали с Большим Боссом под джазовую музыку, негромко звучащую на заднем плане. Не прошло и нескольких минут, как появились Даниель и Розлин с Анни и Жаном Ги.

Марго с радостными криками приложила руку к животу Анни, и, пока остальные здоровались, две женщины принялись обсуждать предстоящие роды.

Когда шум стих, все сели. Даниель разлил вино, а Марго принесла свежесжатый сок для Анни и кока-колу для Жана Ги. На хлебрезную доску на столе выложили еще горячие багеты, затем принесли terrine de champagne¹⁹, взбитое масло, маленькие вазочки с оливками.

– Я думала, Стивен тоже придет, – сказала Анни, глядя на пустое кресло.

– Он придет, – заверил ее отец. – Мы виделись сегодня днем.

– Попробую угадать, – сказал Даниель. – В Музее Родена? – Он повернулся к Розлин. – Ты когда-нибудь слышала историю о том, как папа делал предложение маме?

– Никогда, – ответила Розлин с преувеличенным интересом. Как и все остальные, она слышала эту историю тысячу раз. – И что случилось?

Арман прищурился, глядя на невестку с напускным неодобрением, и она рассмеялась.

– Девочкам понравились пижамки, – сказала Розлин свекрови. – Боюсь, они теперь захотят носить их повсюду.

– Ну так и позволь им, – сказал Даниель. – И кстати, мамочка, спасибо, что не разрешила папе выбирать подарок.

– Он уже просил вернуть пару малярных валиков для краски, но я успела его остановить.

Арман печально покачал головой:

– Видимо, им придется дождаться Рождества.

Пока все остальные смеялись, Арман внимательно смотрел на Даниеля.

Тот был счастлив.

Казалось, Даниель примирился с Жаном Ги. Он давно ревновал отца – уж слишком дружеские отношения завязались у Армана с его заместителем, но теперь Даниель установил свои собственные отношения с Жаном Ги.

И все же Арман заметил, что Даниель старается держаться подальше от Жана Ги. Впрочем, это могло быть просто случайностью.

Сам он надеялся найти в ближайшие дни время и прогуляться или пообедать с Даниелем. Чтобы только они вдвоем. Чтобы после слов Стивена убедиться, что у сына все в порядке. Часы показывали двадцать минут девятого, а Стивен, обычно образец пунктуальности, так пока и не появился.

– Excusez-moi, – сказал Гамаш и стал подниматься со стула, но в этот момент дверь быстро открылась и появился тот, кого ожидали.

– Стивен! – воскликнула Анни и попыталась встать, что ей и удалось сделать с помощью Жана Ги.

Арман и Рейн-Мари стояли у своих мест, пока молодежь здоровалась со Стивеном, потом Марго усадила всех на место, освобождая проход ресторанички.

Даниель жестом попросил еще вина, а Стивен, положив телефон на стол перед собой, кивнул бармену. Его обычное.

Принесли мартини и еще один литр красного вина.

¹⁹ Мясная французская закуска (*фр.*).

– У меня тост, – сказал Арман, когда все сделали заказ. – За семью. За нового ее члена... – он кивнул на живот Анни, – и очень-очень...

– Очень, – присоединился к нему хор всех сидящих за столом, – старого.

Стивен поднял свой бокал и сказал:

– Идите к черту.

– Мой отец человек немногословный, – сказал Даниель, когда затих смех.

– Ты не слишком хорошо его знаешь, – возразил Жан Ги. – Вот подожди, когда он начнет цитировать «Крушение Эсперуса».

– Ну если ты просишь, – откликнулся Арман. Он прочистил горло и принял серьезный вид. – «Шла шхуна „Эсперус“ по...»

Все рассмеялись. За одним исключением. Арман краем глаза поймал хмурое выражение на лице Даниеля. Ему явно не понравилось, когда ему дали понять, пусть даже и в шутку, что Бовуар знает его отца лучше, чем он, Даниель.

Стивен тоже заметил выражение на лице Даниеля и едва заметно кивнул Арману, после чего посмотрел на свой телефон.

Затем он обратился к Анни и Жану Ги:

– Как вы себя чувствуете?

Несколько минут они вели разговор, который могут вести только близкие люди.

– Если что-то понадобится... – сказал Стивен и оборвал фразу.

– Может быть, немного мороженого в «Лютеции»? – подхватила Анни.

– Это мне по силам, – сказал Стивен. – После понедельника. Мы все сможем отпраздновать.

– А что случится в понедельник? – спросил Жан Ги.

– Да так, несколько встреч. Кстати, как твоя новая работа?

Арман в это время разговаривал с Даниелем:

– Хорошие новости насчет твоего повышения. Целый новый отдел.

– Да, – сказал Даниель. – Венчурный капитал. Уже есть одна инвестиция.

– И какая?

– Не могу сказать.

«Не можешь, – подумал Арман, – или не скажешь?»

– Значит, у тебя много времени уходит на оценки рисков? – спросил он.

– Именно так.

Его отец внимательно слушал, задавал вопросы. Аккуратно выуживал информацию из Даниеля, пока его сын не расслабился и не стал говорить свободно, даже увлеченно.

Рейн-Мари увидела, как Даниель несколько минут спустя подался ближе к отцу.

Они были очень похожи во многих отношениях. Даже внешне.

Даниель при росте шесть футов два дюйма был чуть повыше отца. И потяжелее. Но на костях у него были мышцы, а не жир.

Так же, как и у Армана. Только чуточку меньше.

Даниель отрастил бороду – она у него была рыжеватая, с несколькими седыми прядками, удивившими Рейн-Мари. Время не стояло на месте.

Его густые каштановые волосы были коротко подстрижены.

Волосы его отца теперь почти совсем поседели и слегка курчавились. И чуть поредели. На чисто выбритом лице Армана морщин, конечно, было больше. А к ним добавлялся и глубокий шрам на виске.

Как и отец, Даниель был добрым и, можно сказать, учтивым человеком.

В отличие от отца Даниель в юности не был особо одаренным, но зато обладал самодисциплиной. Он много работал и часто превосходил своих более талантливых от природы друзей.

Он был счастливым мальчиком.

Пока...

В возрасте восьми лет с ним что-то случилось. Между ним и отцом выросла стена. Поначалу это был лишь маленький шаг назад. Даниель всегда оставался вежливым маленьким мальчиком, но теперь появилась формальность. Отстраненность. Осторожность, переросшая в холодность.

Между ними выросла пропасть.

Рейн-Мари наблюдала, как Арман пытается ликвидировать этот разрыв, но пропасть с каждым объятием только расширялась.

Арман вызвался тренировать хоккейную команду сына, но Даниель попросил его отказаться от этого.

Прежде Арман возил мальчика на утренние тренировки, сидел на трибунах с ужасным кофе из автомата, грел о стаканчик руки. Наблюдал.

Пока Даниель не попросил его перестать.

Укладывая мальчика спать, Арман всегда, всегда говорил сыну, что любит его.

Даниель встречал его слова молчанием. Но Арман никогда, вплоть до этого дня, не прекращал говорить Даниелю, что любит его. И всеми известными ему способами показывал, что не просто любит мальчика, но еще и любит быть его, Даниеля, отцом.

Потерявший в один день обоих родителей, Арман хотел, чтобы у его детей были мать и отец, с которыми они могут не сомневаться в своей безопасности, могут быть уверены, что родители всегда будут с ними.

Но Даниелю этого никогда не хватало. Что-то порвалось. Внутри его открылась какая-то дыра, и заполнить ее было невозможно.

И все-таки Арман продолжал любить сына. Рейн-Мари не думала, что есть другие отцы, которые так любили бы своих детей.

Потом мальчик стал подростком, и начались настоящие проблемы. С наркотиками. С арестами.

Даниель уехал от родителей, как только появилась возможность. И между ними разлилось глубокое синее море.

И тут появился Жан Ги. Агент Бовуар. Был обнаружен в подвальном помещении Квебекской полиции, где выполнял почти рабскую работу. Злой, высокомерный. Одно оскорбление отделяло его от увольнения из полиции пинком под зад.

Старший инспектор Гамаш разглядел что-то в этом молодом мужчине и, ко всеобщему удивлению, в том числе и самого агента Бовуара, пригласил его в отдел по расследованию убийств. Самое престижное подразделение Квебекской полиции.

Арман стал наставником Жана Ги. И даже больше.

Жан Ги пошел вверх по карьерной лестнице и стал заместителем Армана. И даже больше.

И Даниель так и не простил ни того, ни другого.

Рейн-Мари и Арман разговаривали об этом. Обсуждали, не стоит ли ему несколько отдалиться от Жана Ги. Ради Даниеля.

Но Арман не пошел на это. К тому же это никак не помогло бы.

«Ты не спрашивал у Даниеля, в чем дело?»

То был единственный раз, когда она почувствовала, что Арман рассердился на нее.

«Думаешь, я не пытался? Я спрашивал. Умолял Даниеля сказать мне, что такого я натворил. А он только смотрел на меня, будто я должен знать. Я не могу танцевать вокруг него в надежде, что наконец чем-то завоюю его любовь. Бовуар выдающийся следователь и хороший человек. Его нельзя наказывать из-за моих отношений с сыном».

«Я знаю».

А еще она знала, что Жан Ги Бовуар не заменяет им сына. Отношения Бовуара с Арманом были совсем иными. Более взрослыми. Можно сказать, старинными, словно эти двое знали друг друга целую жизнь.

Они вместе составляли одно целое.

«Даниель любит тебя, Арман. – Она сжала его руку. – Я знаю, что любит. Дай ему время».

Арман уронил голову, потом поднял:

«Извини, я был резок с тобой. Я просто...»

«Ош!».

Шли годы, появлялись внуки, и Арман вновь сблизился с Даниелем. Он подумал, что собственное отцовство смягчило отношение Даниеля к своему отцу. Заставило его забыть о тех неладах, что существовали между ними.

И все же некоторое расстояние оставалось, и Гамаш чувствовал его. Словно между ними натянули тонкую нить колючей проволоки, так что, подойдя к сыну слишком близко, он рисковал уколоться.

Однако Арман не оставлял попыток, и это расстояние уменьшалось. Пока не стало практически неощутимым. Не больше трещины в фарфоровой чашке.

Рейн-Мари наблюдала за ними в бистро. Они сидели, наклонившись друг к другу. И она осмеливалась надеяться.

Чуть дальше за столом Жан Ги и Анни продолжали разговор со Стивеном.

– Что вы знаете о Люксембурге, месье?

– О Люксембурге? – переспросил Стивен, наклоняясь вперед и проверяя свой телефон, лежащий на столе.

– Вы ждете звонка? – спросила Анни.

– Нет.

В это время принесли еду.

Мерлу бретон²⁰ для Стивена. Нежная белая рыба была обложена маленькими картофелинами, дольками свеклы и полита изысканным соусом.

– Ваша порция слишком мала, – заметила Анни, получив свой собственный огромный стейк с картошкой фри под беарнским соусом.

– Оставляю место для рисового пудинга, – объяснил Стивен.

– У нас есть люксембургский проект, – сказал Жан Ги, когда ему тоже принесли стейк с картошкой фри. – Фуникулер. Но я никак не могу разобраться с техническими отчетами.

Стивен кивнул:

– Это и мое слабое место. Я больше даже не пытаюсь. Когда я инвестирую в инженерные компании или проекты, я просто читаю переписку между менеджерами проекта и головным отделением. Эти письма гораздо более информативны.

Он положил нож с вилок и взглянул на молодого человека:

– Что-то в этом люксембургском проекте вызвало у вас интерес?

Жан Ги нахмурился, обдумывая вопрос:

– Non.

– Вы уверены?

– Да.

Стальные голубые глаза пристально глядели на Жана Ги, и в голове у него образовалась пустота. Словно он смотрел в дульное отверстие пистолета.

– Тогда почему мы говорим об этом? – спросил Стивен. – Должно быть, вы переняли у своего прежнего босса темное искусство банальных истин.

²⁰ Название блюда из мерлузы (хека).

Анни рассмеялась, и даже Жан Ги усмехнулся, когда все трое посмотрел туда, где сидел Гамаш.

Арман разговаривал с Даниелем и явно ничего не слышал.

Но Даниель услышал. Не слова, а смех. Он стрельнул в их сторону взглядом. И понял так, что они смотрят на него и смеются над ним.

– Итак, – сказал Даниель, оборвав свой разговор с отцом и обращаясь к Стивену, сидящему на другом конце стола – Мы знаем, что мама и папа приехали повидаться с Анни и Жаном Ги. А что привело в Париж вас?

Арман почувствовал косвенный удар. Поверхностная рана, но все равно рана.

– У меня в Париже несколько встреч, – ответил Стивен. – Я прилетел вчера. Надеюсь, вовремя, чтобы быть здесь, когда появится малыш. – Он положил руку на плечо Анни, затем бросил на Даниеля пронизательный взгляд. – Твои родители и я прилетели также, чтобы повидать тебя с Розлин и девочками.

И Даниель покраснел. Но не извинился.

– А теперь, – сказал Стивен, оглядывая всех за столом, – я когда-нибудь рассказывал тебе, как твой отец...

– Собирался сделать предложение маме? – подхватила Анни. – Никогда. А что там случилось?

Арман просто покачал головой и поморщился.

– Тост, – сказал Стивен, поднимая бокал. – За «Врата ада».

Они чокнулись, и Стивен встретился глазами со своим крестником. Арман был рад увидеть в них веселье и искреннее счастье. Но еще и предупреждение.

Прежняя натянутая проволока, колючая проволока, по-прежнему оставалась на месте.

– На самом деле, – сказала Рейн-Мари, как только смех утих, – интереснее спросить, куда твой отец возил меня на медовый месяц.

– Я думала, в Париж, – сказала Анни.

– По-моему, нам пора заказать десерт, – вмешался Арман и попытался привлечь внимание Марго.

– Non, не в Париж, – сказала Рейн-Мари.

– В «Мануар-Бельшас»? – предположил Даниель.

– Кому рисовый пудинг? – спросил Арман, надевая очки для чтения и погружаясь в меню.

– Non. Мне рассказать или сам расскажешь? – спросила Рейн-Мари у мужа.

Анни посмотрела на брата:

– Почему никому из нас не приходило в голову спросить?

– Спрашивали, но они только смеялись, – ответил он. – Отвлекали внимание. Теперь вам придется рассказать.

Но и на этот раз их внимание было отвлечено. Десертом.

Даниель и Розлин разделили пополам громадную порцию рисового пудинга, сбрызнутого соленой карамелью.

Анни заказала себе отдельный пудинг и принялась с яростью защищать его от Жана Ги, которому пришлось поделить пудинг со Стивеном.

Рейн-Мари и Арман еще не перестроились на парижское время, а потому больше ничего не ели, только смотрели.

Когда принесли счет, Арман потянулся было к нему, но Стивен оказался быстрее.

Это был редкий случай, когда Стивен брал счет на себя, и Арман вопросительно посмотрел на него. Но старик только улыбнулся и оставил – Арман видел своими глазами – огромные чаевые.

Вечерний ветер освежил их после тепла и духоты в бистро, и Арман с Рейн-Мари немного ожили. Хотя оба мечтали поскорее лечь спать.

По привычке и молчаливому согласию семья направилась на юг, пересекла знакомые улицы, прошла мимо знакомых магазинов по пути к Пале-Роялю.

Они всегда проделывали этот путь после застолья в «Жювениль». Так у них создавалось впечатление, что они лучше переваривают съеденное за столом. Хотя рисовый пудинг они не переварили бы, даже дойдя до Версаля.

Впереди шли Анни и Жан Ги, Даниель и Розлин, время от времени останавливаясь у витрин магазинов.

Арман и Рейн-Мари собирались последовать за Стивеном на другую сторону улицы Ришелье, когда Рейн-Мари спросила:

– А который теперь час?

Арман посмотрел на свои часы:

– Почти одиннадцать.

Они повернулись к Эйфелевой башне, и у них на глазах она засверкала тысячами огней.

– Ты только посмотри, – сказал Арман со вздохом, запрокинув голову.

Стивен остановился посреди перехода и оторвал взгляд от телефона.

Фургон для доставки грузов, ехавший в полуквартале отсюда, остановился, чтобы пропустить его.

И вдруг начал двигаться. Медленно. Потом стал набирать скорость. Теперь он ехал быстро. Арман отвернулся от башни как раз вовремя, чтобы увидеть, что происходит. Что вот-вот должно произойти.

Он поднял руку и выкрикнул предупреждение.

Но слишком поздно. Раздался удар.

И машина умчалась прочь.

Жан Ги побежал за фургоном, а Арман бросился к Стивену.

– Вызовите «скорую»!

Рейн-Мари выскочила на середину улицу и принялась махать руками, чтобы защитить Армана и Стивена от приближающихся машин.

Арман опустился на колени и, посмотрев на Даниеля, крикнул:

– Помоги матери.

Даниель отступил назад.

– Мама! – закричала Анни.

Арман повернул голову и увидел, что машина остановилась в фюте от Рейн-Мари. Так близко от нее, что она дотронулась руками до теплого капота.

– Рейн-Мари! – позвал Арман.

– Все хорошо.

– Я вызываю помощь, – прокричала Анни.

Арман повернулся к Стивену. Его руки застыли над неподвижным телом крестного. Он боялся перевернуть его, опасаясь, что сделает только хуже. Если это возможно.

– Нет-нет-нет, – прошептал он. – Господи, прошу тебя, нет.

Он увидел кровь на асфальте, разбросанные вокруг вещи Стивена – очки, ключи, туфли.

Ноги Стивена лежали под неестественным углом. Рука накрывала голову.

Арман пощупал пульс. Пульс был. Слабый, прерывистый.

– Папочка? – позвала Анни, приближаясь к отцу и телу, лежащему на асфальте, пока Эйфелева башня сверкала вдалеке.

– Назад, – приказал ей отец. – Уйди с проезжей части.

Она вернулась на тротуар.

– Арман?

Рейн-Мари опустилась на колени рядом с ним. Водители останавливались, выходили из машин, смотрели. Некоторые гудели, не зная о происшествии.

– «Скорую», – повторил Арман, не отрывая взгляда от крестного.

– Уже в пути, – сказали одновременно Анни и Розлин.

Рейн-Мари подняла треснувшие очки Стивена и его ключи, положила к себе в сумку.

Туфли она не стала трогать.

Держа Стивена за руку, Арман наклонился к нему так близко, как только могут быть два человека, и прошептал:

– Я тебя люблю. Держись. Помощь уже в пути. Я тебя люблю.

– Что я могу сделать? – спросил Даниель, присоединяясь к ним.

– Ничего, – ответил отец, даже не посмотрев на него.

Глава четвертая

Через несколько минут появилась «скорая», медики быстро оценили ситуацию.

Арман отошел в сторону, но оставался поблизости. Наблюдал за тем, как они проверили жизненные показатели Стивена. Осторожно перевернули его. Надели кислородную маску на окровавленное лицо.

Рейн-Мари взяла Армана за руку, почувствовав, что она липкая.

Стивен не подавал никаких признаков жизни. Он был совершенно неподвижным.

– Он жив? – прошептала Рейн-Мари.

Арман кивнул, не в силах говорить.

Он только смотрел на Стивена, пока фельдшеры переговаривались с врачом «скорой», используя слова, которые Арман и Жан Ги слышали слишком часто и которые означали слишком тяжелые повреждения.

«Шок». «Кровотечение». «Возможно, трещина черепа».

Если бы они были на поле боя, то Стивена Горовица поставили бы в очередь на операционный стол одним из последних, ввиду малой надежды на его выживание. Его бы оставили на земле. Умирать.

И смерть не заставила бы себя ждать.

Прибыла полиция. Не отходя от Стивена, Арман быстро представился и сказал:

– Это не было несчастным случаем.

– Что вы имеете в виду, месье?

– Машина, которая его сбила, фургон для доставки выпечных изделий, сделала это намеренно. Я все видел.

Полицейский сделал запись в своем блокноте:

– Это серьезное обвинение.

– Я могу это подтвердить, – сказала Рейн-Мари.

– А вы? – спросил агент у Анни, Даниеля, Розлин и Жана Ги, который еще не успел перевести дыхание, вернувшись после безуспешного преследования фургона.

– Машина не остановилась, – сказала Анни. – Ты зафиксировал номера?

– Я сделал фотографию.

Жан Ги показал полицейскому свой телефон. Фельдшеры тем временем аккуратно положили Стивена на каталку.

– Значит, речь идет о наезде и бегстве с места происшествия, – сказал полицейский, склоняясь над телефоном Жана Ги. – Но не о попытке убийства. Это здесь не подходит, месье. Я ничего такого не вижу.

Посмотрев на случившееся как бы со стороны, Жан Ги вынужден был согласиться. Дело туманное.

– Я полицейский из Квебека, – заявил Арман. – Это было явное покушение на его жизнь.

– Из Квебека, – сказал полицейский, подняв брови.

Спрашивать о том, что у него на уме, не было необходимости.

– Да, мы руководители отдела по расследованию убийств Квебекской полиции, – сказал Жан Ги. – У вас с этим какие-то проблемы?

– Никаких, месье. – Полицейский записал что-то у себя в блокноте и посмотрел на Бовуара. – Вы видели своими глазами, как фургон сбил пострадавшего?

Жан Ги ошетинился, но вынужден был признать, что нет.

– Bon²¹. А кто-нибудь из вас видел?

²¹ Хорошо (фр.).

Анни помедлила, но потом отрицательно покачала головой. Остальные тоже.

– Я же вам говорю, что я видела, – сказала Рейн-Мари. – И мой муж видел. У вас два свидетеля.

– Ваше имя?

Она назвалась.

– Сегодня пятница, вечер, темно, – сказал полицейский. – На пострадавшем черный плащ. Водитель, может быть, выпил лишку. Вы не думаете, что такое возможно...

– Наезд был намеренный. – Арман достал свою визитку, нацарапал на ее задней стороне номер своего парижского мобильного и протянул жандарму. – Я поеду с ним.

Арман последовал за Стивеном в «скорую», и фельдшеры после короткого препирательства сдались, поняв, что они не смогут выставить этого человека из машины.

– Я сообщу тебе, какая больница, – прокричал Арман Рейн-Мари через закрывающуюся дверь.

– С ним все будет хорошо? – спросила Анни.

Кого она имела в виду – Стивена или своего отца?

«Скорая» тронулась с места, Рейн-Мари взяла дочку за руку, а Даниель обнял мать за плечи.

Все приемные покои скорой помощи выглядят одинаково, пахнут одинаково, навевают одинаковые мысли.

Стивена отвезли в больницу Отель-Дьё на острове Сите. Почти в тени собора Нотр-Дам.

Арман уставился на распашные двери, куда фельдшеры умчались с каталкой Стивена. Эти двери отделили Армана от крестного.

Здесь все было как везде. Любая больница в любом городе выглядела бы точно так же. Время и место здесь не существовали. Не имели значения.

Остальные люди в приемном покое, ждущие сообщения о состоянии их близких, выглядели изможденными от тревоги и усталости. И скуки.

Арман смыл кровь с лица и рук. Но с одежды кровь не смывалась. Ее придется выбросить. Он не хотел больше видеть эту свою одежду.

Конечно, нелепо винить рубашку и галстук, пиджак и брюки в том, что произошло. Но он готов был выбросить даже носки.

Первым делом он позвонил Рейн-Мари и сообщил, где они находятся. Она сказала, что скоро подъедет. Он предложил остальным разъехаться по домам и ждать сообщений.

Потом он позвонил другу.

– Я сейчас приеду, Арман.

Рейн-Мари появилась через несколько минут с Анни и Даниелем. Жан Ги и Розлин вернулись домой к детям.

– Есть новости? – спросила Рейн-Мари, беря Армана за руку.

– Никаких.

– Он наверняка еще жив, – сказал Даниель. Он прикоснулся пальцами к руке отца.

– Oui. – Арман улыбнулся сыну слабой благодарной улыбкой, и Даниель уронил руку.

– Арман, – раздался голос от двери.

Худощавый человек лет шестидесяти, одевавшийся явно в спешке, быстро подошел к ним. Протянул руку.

Арман пожал протянутую руку.

– Merci, mon ami. Спасибо, что пришел. Рейн-Мари, ты помнишь Клода Дюссо?

– Конечно.

Дюссо поцеловал ее в обе щеки, посмотрел на нее серьезно и повернулся к остальным.

– Это наши дети, Даниель и Анни, – сказал Арман. – Клод – префект полиции в Париже.

– То, что произошло, просто ужасно, – сказал месье Дюссо. Он пожал им руки, потом повернулся к Арману, заметил пятна крови и усталость. – Как он?

– Пока неизвестно, – ответил Арман.

– Дай-ка я попробую.

Дюссо подошел к стойке регистрации и почти сразу вернулся:

– Они впустят нас. Но только двоих.

– Мы побудем здесь, – сказала Рейн-Мари.

– Езжайте домой, – велел Арман.

– Мы остаемся, – возразила она. И поставила точку в дискуссии.

Проходя в распашные двери, Арман на миг почувствовал головокружение. Перед ним промелькнуло воспоминание. Окровавленные простыни, натянутые на лица полицейских. Молодых мужчин и женщин, которых он принимал на службу. Которых готовил. Которых вел за собой.

На чьих днях рождения и свадьбах он танцевал. Он был крестным для нескольких из их детей.

А теперь они лежали мертвые на каталках. Погибли в бою, на который он их послал.

Ему еще предстояло вскоре постучать в двери их близких. Посмотреть им в глаза и сказать слова, которые разобьют их жизнь вдребезги.

Арман прерывисто вздохнул и пошел дальше, через эти воспоминания и в новый кошмар. Рядом с ним шел его друг и коллега.

– Стивен в операционной, – сказал Клод, поговорив с одной из медсестер. – Нам нужно устроиться поудобнее.

Они сели бок о бок на жестких стульях в коридоре.

– Ужасное место, – прошептал Дюссо, явно борясь с собственными воспоминаниями. О своих собственных подчиненных. – Но они тут большие умельцы. Если кого-то можно спасти...

Арман коротко кивнул.

– По пути сюда я посмотрел предварительные заметки флика, который выехал на вызов.

Префект использовал жаргонное парижское название для полицейских. Les flics. Он узнал это слово на улицах еще до поступления в полицию. Хотя оно, строго говоря, не было комплиментом, большинство полицейских приняли это слово. Оно стало ласковым прозвищем. Или по меньшей мере дружеским.

Арман хранил молчание, его глаза были устремлены на дверь, ведущую в операционный блок.

– Полицейский написал, что, по твоим словам, этот наезд был преднамеренным. Ты действительно так считаешь?

Арман повернулся к нему. Глаза у него воспалились от усталости. И эмоций.

– Так оно и было. Машина остановилась. А потом резко ускорила. Стивена сбили намеренно.

Дюссо кивнул, кинул короткий взгляд на свои руки.

– Остальные свидетели говорят только о том, что фургон покинул место происшествия. Один из них, кажется твой зять, успел сделать очень плохую фотографию.

– Рейн-Мари тоже видела, что его сбили намеренно.

– Да? После того как ты уехал, она рассказала о том, что случилось. Она сказала, что вы оба смотрели на Эйфелеву башню, на ней только-только зажгли освещение.

– Это верно. Я начал говорить со Стивеном...

Арман вдруг замолчал. Он внезапно почувствовал, что ему стало нехорошо.

– Что случилось? – спросил Клод.

– Я не понимал, что Стивен находится посреди улицы. Когда я заговорил, он остановился и повернулся. Он не видел фургона. Не мог видеть. Он смотрел на меня.

– Это не твоя вина, Арман, – сказал Клод, мгновенно поняв, что имеет в виду Арман. Что чувствует.

Распахнутые двери открылись, и появился медбрат.

– Месье префект? – спросил он, переводя взгляд с одного на другого.

Клод и Арман встали.

– Oui, – сказал Дюссо.

– Месье Горовиц жив...

На лице Армана отразилось облегчение, но медбрат продолжил:

– ...однако он в критическом состоянии. Мы не можем сказать, перенесет ли он операцию. Но даже если перенесет... он получил серьезную травму головы.

Арман прикусил губу изнутри. Так прикусил, что почувствовал вкус крови.

Дюссо представил его как ближайшего родственника пострадавшего.

– Вам лучше уехать домой, – сказал медбрат Гамашу. – Если вы оставите свой номер телефона, вам позвонят.

– Я останусь, если вы не возражаете.

– Мы останемся, – сказал Дюссо и проводил взглядом медбрата, вернувшегося в операционную через распашные двери. Потом снова посмотрел на Гамашу. – Горовиц? Пострадавший – Стивен Горовиц? Миллиардер?

– Да. Разве в протоколе об этом не сказано?

– Наверное, сказано, но я, видимо, сосредоточился на твоём заявлении.

– Он мой крестный. Excusez-moi. Пойду скажу Рейн-Мари и остальным, чтобы ехали домой.

Клод Дюссо проводил взглядом Армана, который шел по коридору, уступая дорогу докторам и медсестрам, спешившим к другим пострадавшим.

Когда Арман исчез из виду, Дюссо направился к дежурной медсестре и попросил принести ему пакет с вещами Стивена. Не его одежду, а то, что обнаружилось в его карманах.

Префект исследовал содержимое бумажника, проверил все записки, осмотрел разбитый айфон.

Потом он сложил все обратно в пакет, запечатал его снова и отдал медсестре.

Рейн-Мари, Даниель и Анни, увидев Армана, поспешили ему навстречу.

Остальные в комнате ожидания встревоженно подняли головы, затем опустили глаза, когда поняли, что это не врач с новостями для них.

– Он все еще в операционной, – сказал Арман, обняв Рейн-Мари.

– Это хорошая новость, верно? – спросила Анни.

– Oui, – ответил ей отец так тихо, что она мгновенно все поняла.

– Папа, – сказал Даниель, – я сожалею...

– Merci. Он в хороших руках.

– Да, но я чувствую себя виноватым из-за того, что никак не прореагировал, когда ты попросил о помощи. Наверное, у меня случился шок.

Арман повернулся к сыну и полностью сосредоточился на нем.

Если этот старший офицер полиции и знал что-то наверняка, так это то, что у каждого человека есть свои сильные стороны. И слабые. Это важно признавать. И не ждать от человека то, чего он не может дать.

Он знал, что ему не следовало обращаться к Даниелю. Не в такой момент. Не в случае кризиса.

А может быть, и никогда.

– Теперь ты здесь, – сказал он, глядя в лицо сына. – И это единственное, что имеет значение.

– Ты думаешь, водитель намеренно сбил Стивена? – спросила Анни.

– Да.

– Нет, я спрашиваю, как по-твоему, он знал, что это Стивен? – пояснила она свой вопрос. Ее юридический разум действовал. – Или Стивен был выбран случайно?

Этот вопрос беспокоил и Армана. Он не мог себе представить, откуда водитель мог знать, что Стивен будет переходить улицу в этом месте и в это время. С другой стороны, если это была террористическая атака, целью которой не был конкретно Стивен, то человек, использовавший машину в качестве оружия, должен был выбрать группу людей, а не одиночного пешехода. Почему он сбил одного этого старика?

– Я не знаю, – признался Арман. Он оглянулся через плечо в сторону распашных дверей. – Мне нужно возвращаться. Я дам вам знать, как дела. Я вас люблю.

– Я тебя люблю, – сказала Анни, а Даниель кивнул.

Рейн-Мари крепко его обняла и прошептала:

– Je t'aime.

Глава пятая

Вернувшись в квартиру, Рейн-Мари погрузилась в пенную ванну с ароматом роз и закрыла глаза, пытаясь смыть с себя всю грязь случившегося. Она глубоко дышала, чтобы успокоиться, и вскоре почувствовала, как расслабляется ее тело, хотя мозг продолжал работать. Вызывать образы.

Вот Стивен лежит на земле. Вот лицо Армана. Вот фургон, пронсящийся мимо. И машина, летящая прямо на нее.

Рейн-Мари словно вросла в землю. Не отскочила в сторону. Если бы отскочила, машина сбила бы Армана. А она бы не простила себе, если бы такое случилось.

Потом появился другой образ. Выражение лица полицейского. Он явно не верил тому, в чем они с Арманом были уверены.

Это вовсе не несчастный случай.

– Ты как? – спросил Жан Ги. – Устала, наверно.

Он принес домой Оноре, крепко спавшего у него на руках все два квартала от квартиры Даниеля и Розлин. Уложив сына в кровать, он уселся и стал ждать Анни, время от времени отправляя ей короткие эсэмэски поддержки.

Теперь Анни и Жан Ги лежали в кровати, и она пыталась устроиться поудобнее. Свет был выключен. Детский монитор подтверждал, что мальчик крепко спит.

Но к родителям мальчика сон не шел.

Анни оставалось несколько дней до родов, и Жан Ги беспокоился, не скажется ли на ней сегодняшнее потрясение.

– Все в порядке. Она толкается. Наверно, знает, что я пытаюсь уснуть.

Жан Ги улыбнулся и прижал к себе жену и еще не родившуюся дочь:

– Кто этот друг, которому звонил твой отец?

– Клод Дюссо, – сказала Анни.

Жан Ги сел в кровати:

– Префект полиции Парижа?

– Да. Ты его знаешь?

– Только по его репутации. Хорошей репутации.

– Папа познакомился с ним много лет назад в рамках программы обмена, когда они были начинающими агентами.

Она чуть не спросила, почему Жан Ги сказал тому полицейскому, приехавшему на вызов, будто он полицейский из отдела убийств в Квебеке. Когда на самом деле он уже не полицейский.

Может быть, он просто считал себя полицейским. Все еще. Всегда.

Но она не стала спрашивать. Будучи юристом, она научилась не задавать вопросов, если не была готова к ответу.

Вместо этого она сказала:

– Этот коп не поверил, что фургон намеренно сбил Стивена.

– Не поверил.

– А ты?

– Я поверил. – Бовуару и в голову не пришло бы усомниться в словах Гамаша. – Вопрос в том, поверит ли этому Клод Дюссо?

Наступил самый пик ночи, хотя в душном коридоре без окон судить о времени было трудно.

Но активность в коридоре, куда привозили пациентов, требующих немедленной помощи, не стихала. Несчастные случаи. Инфаркты. Инсульты. Жертвы насилия.

Раздавались крики боли, призывы о помощи к медицинскому персоналу.

Арман уже начал узнавать голоса. Это интерн, не успевающий перевести дух. Это измученные фельдшеры. Это стойкая медсестра. Это хладнокровный старший врач и привратник с его почти зловещим свистком.

Шумы и суета перешли из какофонии, играющей на нервах Гамаша и вызывающей у него самые неприятные воспоминания, в нечто почти успокаивающее.

Арман вдруг почувствовал, как тяжелеют его веки, а голова откидывается к стене.

Часы показывали половину третьего ночи, и он не спал уже два дня, начиная с ночного полета рейсом «Эйр Канада» из Монреаля.

Клод нашел торговый автомат и принес им кофе. Отвратительный, но принятый с благодарностью. Однако даже доза кофеина не смогла прогнать усталость.

Арман ударился головой о стену и проснулся. Он потер лицо руками, почувствовал пробивающуюся щетину, потом посмотрел на Клода – тот что-то читал.

– Ты бы ехал домой. Тебе скоро на работу.

Дюссо посмотрел на него:

– Сегодня уже суббота. Босс дал мне выходной.

– Ты и есть босс.

– Согласись, это удобно. Я остаюсь. – Он показал на планшет. – В докладе от полицейского, который прибыл по вызову, упоминается, что от тебя пахло алкоголем и глаза были налиты кровью.

– Я выпил два бокала вина за ужином. Я не был пьян.

– Но с учетом смены часовых поясов это повлияло на тебя, вероятно, сильнее, чем ты думал.

– Я давно не был пьяным, но можешь мне поверить, я знаю, что такое быть пьяным. Я был и остаюсь совершенно трезвым. И я знаю, что я видел.

– То есть ты считаешь, что этот фургон имел намерение сбить Стивена Горовица.

– Не сбить – убить. И не считаю, а знаю наверняка.

Дюссо сделал глубокий вдох и кивнул:

– Ладно, я тебе верю. Но тогда возникают вопросы.

– Неужели? – сказал Гамаш и увидел улыбку на лице Дюссо.

– Я передал это дело моему заместителю. Она работает на набережной Орфевр, – сообщил Дюссо.

– Она? Я думал, твой заместитель – Тьерри Жирар.

Дюссо покачал головой:

– Мой заместитель, как и твой, дезертировал. Наверное, они умнее нас, Арман. В них не стреляют, и они умудряются за год заработать столько, сколько я не заработаю за пять.

– Да, но у нас есть зубопротезное обеспечение, – сказал Арман.

– К сожалению, мы в этом нуждаемся. Так или иначе, у меня отличная замена в лице Ирены Фонтен. Я устраю тебе встречу с ней завтра утром.

– Merci.

– Разумеется, мы пока подержим при себе все подробности и наши подозрения. Я понятия не имел, что ты знал Стивена Горовица.

– Знаю, – поправил его Арман. Он понимал, что излишне педантичен, но ему необходимо было сохранять Стивена живым, даже если это касалось формы глагола. – Он практически вырастил меня. Он вместе с моей бабушкой.

Дюссо был знаком с этой частью жизни Армана, так что ему не требовалось рассказывать все заново. Но вопросы у него оставались.

- Как вы с ним познакомились?
- Он был другом моего отца. Они познакомились в конце войны. Стивен был тогда переводчиком у союзников.
- Он что, немец?
- Вполне естественный вопрос.
- Он родился в Германии, но бежал и обосновался в Париже. Сотрудничал с Сопротивлением.
- Ты говоришь, бежал. Он еврей?
- Мне об этом неизвестно. На самом деле он скорее гуманист.
- Дюссо ничего не сказал, и Арман посмотрел на него:
- А в чем дело?
- Не то чтобы я сомневался в тебе или в нем, но мой отец часто удивлялся, сколько мужчин и женщин вдруг оказались в рядах Сопротивления, после того как война закончилась.
- Арман кивнул:
- Моя бабушка говорила то же самое.
- Я и забыл, что она у тебя из Парижа.
- Из Еврейского квартала. Ле-Маре. Прежде... – Но он не стал развивать эту мысль. – Стивен никогда не рассказывал о войне. А она рассказывала, но редко.
- Тогда откуда ты знаешь, что он был в Сопротивлении?
- Я слышал, как мать с отцом говорили об этом.
- Ты, наверно, был тогда совсем ребенком.
- Да. Я, конечно, не все понимал. Позже Стивен рассказывал мне, что мой отец помог ему перебраться в Монреаль и дал деньги взаймы на открытие бизнеса. Когда я родился, они пригласили его в крестные.
- Непросто это для человека, который не верит в Бога.
- Может, он и верит, но сердится на него. Объявил ему бойкот.
- Будем надеяться, что их встреча состоится еще не скоро. Не завидую я *le bon Dieu*²².
- Арман улыбнулся и представил себе Стивена, здорового и сильного, стоящего у Врат. Вот только у каких Врат?
- Ад пуст, – пробормотал он.
- Pardon? – переспросил Клод.
- Стивен любит повторять эти слова. «Ад пуст, и все дьяволы здесь».
- Очаровательно. Но мы в Париже, Арман. В Городе света. Здесь нет никаких дьяволов. Гамаш повернулся к другу с удивленным лицом.
- Ты, должно быть, шутишь. – Он взгляделся в Дюссо. – Революционный террор отчасти был порожден эпохой Просвещения. Сколько протестантов было истреблено, сколько мужчин и женщин закончили свои жизни на гильотине, сколько евреев подверглись преследованиям и были убиты? Сколько невинных, погибших от рук террористов здесь, в Городе света, соглашались с тобой? Дьяволы слетелись сюда. И ты об этом знаешь больше других.
- Дюссо забыл, что его друг изучал историю. А значит, и человеческую натуру.
- Ты прав, конечно. У месье Горовица нет своей семьи? – спросил Клод, возвращая разговор к человеку, сражающемуся за жизнь в нескольких шагах от них. – Братьев? Сестер?
- Мне об этом неизвестно. Семья Стивена жила в Дрездене.
- В уточнениях не было необходимости.
- Жена? Дети?
- Арман помотал головой:
- Только я.

²² Доброму боженьке (*фр.*).

– Мои агенты сейчас просматривают камеры наблюдения в районе. Поскольку нам известно время нападения, мы сможем найти фургон, когда он свернул на улицу Риволи.

– А там, где сбили Стивена?

Клод отрицательно покачал головой:

– Мы не можем поставить камеры на каждом перекрестке в Париже, так что на той маленькой улочке нет ни одной. Но у владельцев магазинов могут быть собственные камеры. Мы их проверим, как только магазины откроются. И все же есть одна вещь, которую я пока никак не могу понять.

– Был ли Стивен целью или это случайность?

– Да. Если это было покушение именно на месье Горовица, то откуда водитель узнал, что это он?

– А если это была случайность, террористическая атака, похожая на другие атаки с использованием машин, то почему водитель не попытался сбить как можно больше народу? – сказал Гамаш. – Нас. Мы были не менее уязвимы, чем Стивен.

– Да. Мы рассматриваем этот случай как наезд, но, – он поднял руку, упрямая возражения, – но действуем так, как если бы имели дело с покушением на убийство.

Клод Дюссо посмотрел на друга. И произнес слова, которые Арман Гамаш хотел услышать:

– Я тебе верю.

Они оба повернулись в сторону распахнувшихся дверей.

Глава шестая

Как только скрипнула входная дверь, Рейн-Мари мгновенно проснулась и встала с постели.

– Арман?

– Oui, – отозвался он шепотом, сам не зная почему.

Рейн-Мари включила свет в коридоре.

– Что Стивен? – спросила она, обнимая его.

– По-прежнему жив.

– Слава богу. – Не успев произнести эти слова, она подумала, не рано ли славить Бога. –

Как он?

– Состояние критическое. Мне не разрешили посмотреть на него.

– А ты как?

Рейн-Мари посмотрела в его изможденное лицо и взгляделась в его глаза. Потом снова прижала его к себе, а он заключил ее в объятия.

Они поплакали о Стивене.

О себе.

О мире, в котором могут происходить такие вещи, когда счастливые люди идут по знакомой улице.

Они разомкнули объятия, вытерли слезы, высморкались, и Арман прошел за ней в кухню.

По дороге домой в такси он хотел только обнять Рейн-Мари, принять горячий душ и забраться в кровать. Но теперь он сидел за кухонным столом, глядя перед собой.

Рейн-Мари поставила на газовую конфорку выдавший виды чайник, достала заварочный.

Кухня была старомодная. Они собирались ее обновить, но как-то все руки не доходили. Вероятно, потому что никто из них по-настоящему не хотел здесь ничего менять. Такой эта кухня была при Зоре, бабушке Армана, которая заправляла здесь, разговаривая на странной смеси идиш, немецкого и французского.

Она выросла в Париже и потому говорила на французском и идиш – языке ее родителей. А немецкий освоила в лагерях.

Она завещала Арману квартиру вместе со всем ее содержимым, сводившимся главным образом к ее безграничной любви, которую он всегда носил с собой в сердце.

«Nein. Opshtel, – почти слышал ее голос Арман. – Чай всегда лучше, когда wasser еще не совсем bouillant²³. Пора бы тебе уже выучиться», – выговаривала она ему.

«He plotz»²⁴, – неизменно отвечал он, что сильно веселило ее.

Его бабушка давно умерла, и теперь он наблюдал за тем, как Рейн-Мари хозяйничает на этой кухне, отводя от глаз выбившиеся седые пряди. Она принесла чайник с хорошо заваренным чаем и кувшин молока из старого капризного холодильника.

– Merci, – сказал Арман, размешивая сахар. – Врачи говорят, что у него, возможно, поврежден мозг, но все же активность наблюдается.

Рейн-Мари отхлебнула чая. Она знала: Арман думает о том же, но пока не может это сказать.

После чая Арман принял горячий душ, подставив лицо под воду. Пробуя на вкус соль, смываемую с его лица.

Он лег в кровать рядом с Рейн-Мари и сразу же погрузился в глубокий сон.

²³ Nein – нет (*нем.*); opshtel – хватит (*идиш*); wasser – вода (*нем.*); bouillant – кипящая (*фр.*). Автор не замечает, что ее персонаж говорит на четырех языках – к трем названным прибавляется еще и английский.

²⁴ (He) взорвись (*идиш*).

Три часа спустя, когда сквозь кружевные занавески в комнату проник свет, Арман проснулся. В первый момент он испытал полное умиротворение. Здесь, в этой знакомой квартире. В окружении знакомых запахов, таких домашних, таких привычных.

Но секунду спустя он все вспомнил и тут же схватил телефон, чтобы проверить сообщения.

Из больницы не пришло ни одного.

Рейн-Мари уже встала. Она прошлась по магазинам на улице Рамбюто и принесла свежие круассаны из любимой пекарни Армана «Pain de Sucre».

Он пошел на запах крепкого душистого кофе и увидел на кухонном столе сыр, малину, спелые груши. И круассаны. Вместе с pain aux raisins, купленными вчера вместе со Стивеном.

– Уже встал? – спросила Рейн-Мари. – Как спалось?

– Хорошо. Очень хорошо, – сказал он, целуя ее. – Недолго, но сон был глубокий.

– Из больницы больше ничего?

– Нет. А как ты?

– Пожалуй, я пока не оправилась от потрясения. Не могу поверить, что это случилось.

Арман обнял ее, потом ушел в ванную, еще раз принял душ и побрился. Одеваясь, он увидел свой вчерашний костюм, брошенный на стул. Даже с другого конца комнаты кровь бросалась в глаза.

Он снова проверил сообщения в смартфоне, опасаясь найти то, чего он так боялся. Больница наверняка сообщила бы, если...

За завтраком он позвонил Даниелю, потом Анни. Вчера ночью он отправил им сообщения с последними сведениями о Стивене, но теперь хотел услышать от них, как дела.

Ответил ему Жан Ги:

– Из полиции есть новости?

– Non. Я как раз собирался позвонить.

– Они рассматривают дело как попытку убийства?

– Да.

Жан Ги вздохнул:

– Слава богу. Чем я могу помочь?

– Ты вчера общался со Стивеном больше, чем я. Он не говорил ничего такого, что может быть важным? Что-нибудь о его нынешних проектах, о его тревогах?

– Мы с Анни перебирали наш вчерашний разговор с ним. Ничего не нашли.

На заднем плане послышался голос Анни:

– Телефон, скажи ему про телефон.

– Oui. Он все время поглядывал на телефон, словно ждал звонка или сообщения.

– Вот как, – сказал Арман.

Стивену обычно очень не нравилось, когда люди доставали телефон за столом, уже не говоря о том, чтобы пользоваться им.

– Каким он тебе казался? – спросил Арман.

– Как обычно. В хорошем настроении.

– О чем вы говорили?

– Да ни о чем. Ну... – Жан Ги рассмеялся. – Я упомянул об одном проекте на работе, и он как будто заинтересовался, а потом обвинил меня в том, что я понапрасну трачу его время.

Арман задумался. Он тоже вспоминал свой разговор со Стивеном в Музее Родена. И хотя Стивен казался таким же, как всегда, один странный момент все-таки был. Когда они говорили про дьяволов.

«Не прямо здесь», – сказал он. И это навело Армана на мысль, что Стивен знает где.

Теперь он пожалел, что не стал уточнять, но тогда это казалось таким безобидным.

А затем Стивен добавил, что не боится смерти.

Арман надеялся, что это правда, но теперь он увидел в этих словах что-то еще. Не то, что его крестный был провидцем, а то, что Стивен действительно знал о чем-то.

– Если это было сделано намеренно, то кем? – спросил Жан Ги.

– Стивен многим досаждал, – ответил Арман.

– Вы думаете, это месть?

– Или превентивный удар. Нанесение удара, прежде чем удар нанесет он.

– Миссис Макгилликадди должна знать, если Стивен что-то планировал, – сказал Жан Ги.

«Черт, – подумал Арман. – Миссис Макгилликадди. Нужно было позвонить ей вчера вечером».

Эта женщина долгое время служила у Стивена секретарем и помощником.

Он посмотрел на часы. Разница с Монреалем составляет шесть часов. Значит, там сейчас час ночи. Пусть пожилая женщина поспит спокойно несколько часов, прежде чем узнает новости, которые наверняка ее потрясут. К тому же через несколько часов он будет больше знать о состоянии Стивена.

Попрощавшись с Бовуаром, он позвонил Клоду Дюссо.

– У нас есть записи с камер видеонаблюдения, – сказал префект. – Этот фургон был угнан в тот же вечер. У нас есть запись, на которой он сворачивает на улицу Риволи сразу после того, как сбили месье Горовица. Оттуда он направился на мост Конкорд, затем на левый берег, а оттуда на юго-восток. Но потом этот фургон исчез на маленьких улочках. Машину мы найдем, я в этом не сомневаюсь. Другой вопрос, что она сможет нам рассказать. Есть новости о состоянии месье Горовица?

– Пока никаких. Мы сейчас едем туда.

– Арман... – Префект помедлил. – После того как ты выспался и поразмыслил, ты продолжаешь утверждать, что это была преднамеренная попытка убить месье Горовица?

– Да.

Ответ был недвусмысленный, именно такого ответа и ждал Дюссо. Но настойчивость Гамаша и его личная заинтересованность вызывали беспокойство и затруднения.

– Скорее всего, это месть, – сказал Дюссо. – Сколько компаний и людей он погубил за свою карьеру?

– Они погубили себя сами. Он их просто ловил. Он был одним из первых, кто раскрыл махинации Мейдоффа²⁵ и сообщил в Комиссию по ценным бумагам и биржам США.

– «Энрон»²⁶, кажется, тоже его рук дело.

– Да. Кен Лей был его другом. Но это не помешало Стивену дать показания против Кена. Можешь мне поверить, Стивен не получил от этого никакого удовольствия, но он сделал то, что считал правильным.

– Своего рода ангел-мститель. Есть кто-то, кто был у него на примете в настоящий момент?

– Мне об этом неизвестно. Я думаю, что он в основном уже отошел от дел.

Дюссо вздохнул:

– Ясно. Ты не знаешь, что привело Стивена в Париж?

– Он сказал, что в первую очередь прилетел, чтобы поздравить Анни, когда она родит. Но он упоминал, что у него есть какие-то дела в начале недели. Он даже встречался с кем-то перед нашим ужином.

– Но с кем, ты не в курсе?

²⁵ *Бернард Мейдофф* (1938–2021) – американский бизнесмен, был обвинен в создании, возможно, крупнейшей в истории финансовой пирамиды. В 2009 году приговорен судом Нью-Йорка к 150 годам тюремного заключения.

²⁶ «*Энрон*» – крупнейшая энергетическая компания США, занималась подделкой своих бухгалтерских документов, вследствие чего была объявлена банкротом. Ее основателем был предприниматель Кеннет Лей.

– Нет, он не сказал. Ты не знаешь, его телефон нашли?

– Я не видел, чтобы об этом упоминалось. Вероятно, он в больнице вместе с другими личными вещами.

– Поищу его, когда мы туда приедем.

– Я поставил охрану у палаты месье Горовица, – сказал префект. – Когда закончишь в больнице, приезжай в Тридцать шестой. Я буду там весь день.

Название «Тридцать шестой» было принято среди профессионалов и заменяло полное название для дома 36 на набережной Орфевр. Там традиционно размещался штаб префекта полиции Парижа.

Большинство служб переехало в новое здание, но некоторые подразделения оставались на старом месте. Клод Дюссо, глава всей Парижской полиции, оставил там свой офис. В основном потому, что он предпочитал старые многоэтажные здания на острове Сите современным.

А еще потому, что это было в его власти.

– Такси? – спросил Арман, когда они вышли из квартиры.

– Я бы предпочла прогуляться, если ты не возражаешь.

До больницы было десять минут пешком по улицам, которые он когда-то открывал для себя с бабушкой, купившей на реституционные деньги эту квартиру.

«Эти askhouls²⁷ думали, что смогут избавиться от меня, – торжествующе сказала она, выложив деньги за квартиру. – А я вернулась».

Молодому Арману перевод не требовался.

Они осматривали квартиру, и Зора рассказывала ему о своей жизни в Маре, когда ей было столько же лет, сколько сейчас Арману. Она показывала ему синагоги, парки, старые магазины, которые принадлежали друзьям ее семьи.

Все это произносилось веселым тоном, скрашивая впечатление от сказанного. И одновременно опрощая его.

Теперь они с Рейн-Мари, выйдя из Маре, прошли по Аркольскому мосту и остановились посмотреть на реставрационные работы в Нотр-Даме.

Сколько времени уходит на то, чтобы построить что-то, и как быстро оно может быть уничтожено?

Взгляд. Резкое слово. Минута отвлечения. Искра.

В больнице Отель-Дьё они поднялись на лифте в отделение интенсивной терапии.

Арман назвал себя, предъявил свой паспорт и сказал:

– Мы хотим увидеть Стивена Горовица.

– Доктор просила поговорить сначала с ней, – сказала медсестра.

– Конечно.

Их провели в отдельную приемную. Очень быстро появилась доктор.

– Monsieur et Madame Gamache? – Она пригласила их сесть. – Вы ближайшая родня месье Горовица?

– Я его крестник. Мы были с ним, когда это случилось.

– В квебекской больничной карте вы названы его ближайшим родственником.

– И из этого следует, что вы можете сообщить нам о его состоянии.

– Да. И вы можете принимать медицинские решения. У него серьезная травма. Откровенно говоря, человек его лет не должен был бы выжить. У него, вероятно, сильный организм.

– Скорее, сильная воля, – заметила Рейн-Мари, и доктор улыбнулась.

– Это да, – согласилась она. – К несчастью, если бы для продолжения жизни требовалась только воля, большинство из нас жили бы вечно. – Несколько секунд она смотрела то на

²⁷ Здесь: больные на голову (*идии*).

Гамаша, то на его жену. – Мы ввели его в медицинскую кому. Насколько нам известно, он не чувствует боли. Мы внимательно мониторим все его функции. Поскольку он пережил ночь, шансы на то, что он выживет, увеличились.

Арман отметил, что доктор сказала «выживет», а не «восстановится». И она подтвердила его подозрения:

– Вы должны подготовиться к принятию трудного решения.

Она взглянула в умные глаза Армана. Они были темно-карие, и она могла бы сказать, что этому человеку не раз приходилось принимать трудные решения. И самому испытывать боль. Это было отпечатано на его лице, и не только глубоким шрамом на виске.

Доктор видела такие раны прежде, когда работала в скорой помощи, и знала об их происхождении. Она посмотрела на него с большим интересом.

Да, на этом лице оставила следы боль. Но теперь доктор заметила и другие морщины. Этот человек знал счастье.

А по тому, как они с женой легко держались за руки, они знали, что такое любовь.

Это порадовало ее. Любовь им понадобится.

– Мы можем его увидеть?

– Да, но только кто-то один и совсем ненадолго. Вы должны будете подписать кое-какие бумаги, и еще есть его личные вещи. Лучше вам забрать их, так они будут в большей сохранности.

– Я возьму вещи, – сказала Рейн-Мари, когда они встали. – А ты иди к Стивену.

– У двери в палату месье Горовица поставлен жандарм, – сказала доктор. – Насколько я поняла, есть подозрения, что это не несчастный случай.

– Да.

Они оставили Рейн-Мари разбирать вещи Стивена, которые прибыли в запечатанной картонной коробке, а Армана отвели по тихому коридору в отдельную палату.

Жандарм по слову доктора пропустил Армана внутрь.

Открыв коробку, Рейн-Мари отложила в сторону запятнанную кровью одежду – ее срезали со Стивена в приемном покое – и открыла запечатанный пластиковый пакет. Там лежал айфон Стивена. Разбитый.

Она попробовала его включить. Айфон никак не реагировал.

Здесь была мелочь, мятные леденцы и платок. В бумажнике лежали триста пять евро и кредитки.

Рейн-Мари уже хотела закрыть пакет, как вдруг вспомнила о том, что сама подобрала с асфальта вчера вечером. Она достала из своей сумки и переложила в пакет разбитые очки Стивена и его ключи.

Помедлив, она внимательно посмотрела на эти ключи.

Вчера вечером, в темноте и панике, они не показались ей странными. Теперь, когда она смотрела на них при свете дня и в состоянии относительного спокойствия, ключи показались ей странными.

Даже более чем странными.

Глава седьмая

– Извините, мадам. Я не могу вас впустить.

Рейн-Мари пристально посмотрела на молодого человека, охраняющего палату Стивена.

– Пожалуйста. – Она улыбнулась ему самой материнской из своих улыбок. – Мне только нужно поговорить с моим мужем.

«Это не те дроиды, которых ты ищешь»²⁸, – подумала она и чуть не покачала головой. Жан Ги явно оказывал на нее влияние.

Молодой флик разглядывал женщину, стоящую перед ним. Ее интонация говорила: «Я тебе в матери гожусь и совершенно безвредна».

Но у нее были слишком умные глаза, чтобы провести полицейского. К тому же точно такие глаза были у его матери, а она была судьей французского суда присяжных.

Мать научила его никогда не недооценивать людей, в особенности умных женщин.

Полицейский улыбнулся ей и принял решение, признав, что есть случаи, когда должен преобладать здравый смысл. Этому его тоже научила мать.

Исходя из соображений здравого смысла, он открыл дверь. Исходя из соображений профессионализма, он вошел вместе с ней.

Рейн-Мари остановилась. Ей пришлось заставить себя перешагнуть через порог.

Стивен дышал с помощью аппарата искусственного дыхания. Рейн-Мари увидела монитора и капельницы. Его тело с головы до ног было завернуто в бинты, включая и глаза.

«Как этот человек может быть все еще жив?» – подумала она.

Но это зрелище вернуло также нахлынувшие на нее, подхватившие и ошеломившие ее воспоминания о том, как она видела Армана почти в таком же состоянии.

Рейн-Мари сделала глубокий вдох и пришла в себя.

Арман сидел перед кроватью в очках для чтения. Одной рукой он сжимал руку Стивена, в другой держал утренний выпуск «Le Figaro».

– «Энерджи Стат» – падение на три пункта, до ста тридцати четырех и девяти. «Продюи Кассини» поднялся на полпункта, до восьмидесяти семи и шести.

Он читал Стивену отчет парижской биржи, словно сказку для своих внуков. Каждому своя интонация, своя история.

Молодой жандарм остановился сразу за порогом. Это была настолько интимная картина, что он почувствовал себя так, словно своим присутствием оскорбил этих людей.

– Арман? – Рейн-Мари подошла к кровати.

Он поднял глаза, явно удивленный ее появлением.

– Я нашла кое-что, – тихо сказала она.

Арман встал, поцеловал Стивена в лоб и тихо сказал:

– Я скоро вернусь. Никуда не уходи. Я тебя люблю.

Коробка с вещами Стивена стояла на столе у окна больничной палаты.

Арман перебирал вещи Стивена, Рейн-Мари наблюдала за ним. Ей было интересно узнать, прореагирует ли ее муж на эту находку так же, как она.

Сначала Арман осмотрел пиджак, заскорузлый от крови, и сделал нечто неожиданное: вывернув его наизнанку, он немного поискал и с улыбкой вытащил канадский паспорт.

– У Стивена много лет назад украли паспорт, – объяснил Арман, показывая находку жене. – И после этого он заказал своему портному потайной карман. Теперь он держит в нем важные вещи.

²⁸ Мем из фильма «Звездные Войны».

Арман достал из кармана еще одну вещичку. Тоненький ежедневник.

Потом он перебрал вещи в коробке. Все предсказуемо.

Вот только... Он нахмурился.

Среди других вещей лежал ключ. Не от квартиры, а от номера в отеле.

– Отель «Георг Пятый», – прочел он.

– Да, – сказала Рейн-Мари. – Это я и хотела тебе показать. Он лежал на асфальте. Я подобрала его вчера вечером вместе с очками и положила к себе в сумку. Только сейчас об этом вспомнила. Зачем ему номер в отеле? Он ведь остановился в своей квартире?

– Да. Я проводил его туда вчера днем. И вот ключ от его квартиры.

Арман показал ей ключ, потом вернулся к ключу из отеля.

– Может, в этом номере остановился кто-то другой? – предположила Рейн-Мари. – Может...

– Любовница? – спросил Арман.

– Рут? – сказала Рейн-Мари.

Арман слегка вздрогнул. Это могло объяснить слова «прямо здесь», сорвавшиеся с языка Стивена. Дьявол поселился в «Георге V».

Он улыбнулся этой мысли. Рут Зардо, друг Стивена, была и их близким другом и соседкой в квебекской деревне Три Сосны.

Пожилая поэтесса, она была озлобленной, нередко пьяной. Определенно чокнутой. И гениальной.

Ты была мотыльком,
что коснулся моей щеки
в темноте

Я убила тебя,
не зная, что ты
всего лишь мотылек
и у тебя нет жала.

Они со Стивеном отлично подходили друг другу и быстро подружились. И хотя злилась она часто, но дьяволом не была. Скорее, противоположностью дьяволу, как нередко думал Арман.

Он представил себе, как она машет на прощание одним поднятым пальцем.

Так кто же снял номер 815 в отеле «Георг V»?

– Возможно, ключ уже валялся там, – сказала Рейн-Мари. – Кто-то уронил его, а я подобрала по ошибке.

– Возможно. – Гамаш сунул ключ себе в карман, остальное сложил обратно в коробку. Все, кроме ежедневника Стивена, который тоже спрятал в карман. – Давай выясним.

Такси подъехало ко входу в роскошный отель.

Человек в ливрее открыл дверь и провел их внутрь. Арман дал ему банкноту в двадцать евро, человек поклонился и вернулся на свое место.

Мраморный вестибюль был под завязку, почти до двадцатифутового потолка, набит свежими цветами, в горшках или в букетах. Гамаша словно попали в лес цветов.

– Не останавливайся, – прошептал Арман Рейн-Мари. Их шаги эхом отдавались по мраморному полу. – Делай вид, что мы местные.

Она улыбнулась ему, потом поймала взгляд коридорной в форме и, кивнув, прошла мимо с небрежным «Bonjour», словно *habituée*²⁹.

Арман все еще держал в руках картонную коробку из больницы, но вид у него был такой уверенный, что никто и не подумал его остановить.

К счастью, в лифте они поднимались только вдвоем и смогли расслабиться.

Но Рейн-Мари вдруг повернулась к Арману:

– А ты сказал миссис Макгиликадди?

– Нет еще. Я отправил ей письмо по электронной почте, попросил позвонить, когда сможет.

– Она будет убита.

Агнес Макгиликадди пятьдесят шесть лет служила секретарем Стивена. Сейчас ей было около восьмидесяти пяти, но она отказывалась переименовываться в помощницу и командовала в его офисе, как адская гончая.

Она была замужем за мистером Макгиликадди, мужчиной без определенного имени. Стивен иногда называл его Иеремией. Иногда Джозефатом. Иногда Брайаном.

Арман не знал, делает ли это Стивен потому, что не знает имени мистера Макгиликадди, или чтобы досадить миссис Макгиликадди, которая, впрочем, никак на это не реагировала.

Детьми они не обзавелись, и, хотя Стивен был старше ее, она относилась к нему как к сыну.

Гамаша хорошо знала миссис Макгиликадди, пусть и видели ее только за рабочим столом.

Они подошли к номеру 815, и Рейн-Мари постучала. Потом еще раз.

По коридору прошла горничная, посмотрела на них и прошла мимо.

Арман быстро отпер дверь со словами:

– Поторопись. Она вызовет охрану. Времени у нас всего ничего.

– Allô? – громко произнесла Рейн-Мари, когда дверь за ними закрылась.

В ответ – тишина.

То, что они увидели, не было обычным номером. И даже не было обычным люксом. Их глазам предстал практически замок внутри замка.

– Оставайся здесь, – сказал Арман. – Я пойду наверх. Быстро. Они скоро будут здесь.

– Куда это – наверх?

Но Арман уже прошел половину пути наверх по винтовой лестнице.

Несмотря на то что главный этаж был огромным, его осмотр не занял много времени. По сути, это была одна роскошная комната с местом для отдыха у камина и длинным полированным обеденным столом под люстрой венецианского стекла. Сразу у входа располагалась туалетная комната, а в задней части помещения была спрятана маленькая кухня.

Видимо, на тот случай, если миллиардеру захочется самому приготовить себе обед, подумала Рейн-Мари. Единственным кухонным занятием, за которым она видела Стивена, было открывание баночек с орешками кешью. Да и это давалось ему с трудом.

Впрочем, она заметила на столе бумажный пакет. В нем оказался круассан.

У одного из кресел на столике лежали газеты, а на них – книга под названием «Инвестиционный зоопарк».

Все это были признаки отнюдь не мимолетного присутствия, а обжитого места.

Рейн-Мари нашла Армана в маленьком кабинете наверху. Он исследовал содержимое стола.

²⁹ Постоялец (*фр.*).

– Стивен явно остановился здесь, – сказал он, подняв на мгновение голову. – Его вещи в спальне. Но мне кажется, здесь живет кто-то еще. Тут есть вторая спальня, а в ней закрытый чемодан. Посмотри, может, найдешь что-нибудь.

Вторая спальня размерами превосходила большинство парижских квартир. Рейн-Мари сразу же занялась сумкой – на чемодан это мало походило, скорее уж на ручной багаж – и быстро просмотрела ее содержимое. Туалетные принадлежности, костюм, шелковый галстук, две чистые белые рубашки, нижнее белье и черные носки. Великолепные, ручной работы туфли. Пижама и книга.

Она поискала что-то такое, что помогло бы определить владельца. Очевидно, это был мужчина. Вероятно, немолодой, судя по покрою костюма. И он не собирался долго здесь задерживаться.

У того, кому все это принадлежало, не было времени разобрать багаж.

Рейн-Мари заглянула в ванную с туалетными принадлежностями отеля, но больше ничего не нашла.

Она замерла, услышав мелодичный звон. Дверной звонок. Им не хватило времени.

В дверях спальни появился Арман:

– Они пришли. Ты сможешь их задержать?

– Продолжай работать, – сказала она, спускаясь по лестнице.

Мелодия прозвучала снова, веселая и ненавязчивая, но Рейн-Мари она показалась визгом.

Не успела она спуститься до половины лестницы, как входная дверь открылась.

– Bonjour, – раздался мужской голос. – Месье Горовиц? Это дежурный администратор. Здесь есть кто-нибудь? Все в порядке?

Человек средних лет вошел в номер и остановился, увидев Рейн-Мари.

– Кто вы? – спросил он.

За его спиной стояли два крупных человека в великолепных костюмах и с наушниками в ушах. Они казались не на месте в этой почти сибаритской обстановке. Словно уличные хулиганы заявили на чаепитие.

Отель «Георг V» принимал много богатых и влиятельных людей. Естественно, отель не мог обходиться без службы безопасности. И даже не пытался скрывать это.

– Меня зовут Рейн-Мари Гамаш, – сказала она, медленно спускаясь по последним ступенькам. – Я друг Стивена Горовица. К сожалению, с ним произошел несчастный случай.

– Сочувствую. Он жив?

– Он в больнице.

– С вами был мужчина. Где он? – спросил администратор, пытаясь обойти ее.

Но Рейн-Мари твердо стояла на месте, блокируя путь к лестнице.

– Я вам сказала, кто я. А кто вы?

– Я дежурный администратор.

– Да, но ваше имя? Я хочу увидеть ваше удостоверение, прежде чем пушу вас туда.

Он, казалось, не горел желанием реагировать на ее требование, но все же сдался:

– Меня зовут Огюст Панье.

Он предъявил свое служебное удостоверение. Рейн-Мари тщательно изучила его.

– Не хочу показаться грубой, – сказала она, возвращая документ, – но что вы здесь делаете?

Этот вопрос привел администратора в легкий ступор. Эта женщина явно оказалась здесь противозаконно, но вела себя так, будто она хозяйка номера.

По долгу службы месье Панье был знатоком если не человеческих характеров, то уж одежды точно. Он быстро оценил ее туалет: слаксы хорошего качества, шелковый шарф, элегантное демисезонное пальто. Классический стиль. Умные глаза.

И в то же время он знал: она что-то утаивает. Вернее, кого-то.

Он уже собирался повторить свой вопрос, но тут раздались шаги на лестнице и появился мужчина.

Средних лет. Благородной внешности. В хорошем костюме, с галстуком. В лакированных туфлях. Ухоженный. И он тоже вел себя как хозяин.

Единственным неуместным предметом здесь была коробка, которую он нес в руках, и поношенная кожаная сумка на его плече.

– Bonjour, – сказал Арман. – Приносим извинения, что вошли сюда, но, как сказала моя жена, с месье Горовицем произошел несчастный случай, и мы хотели взять кое-какие вещи для него.

Арман не протянул руку, предпочитая говорить дружеским тоном, но несколько свысока.

– Кем вы приходитеесь месье Горовицу?

– Я его близкий друг.

– Понимаю. Может быть, продолжим этот разговор в моем кабинете?

– Как вам угодно, – сказал Арман.

– Надеюсь, вы меня понимаете, – сказал месье Панье, когда они оказались в его большом, отделанном панелями красного дерева кабинете за стойкой регистрации. – Я бы хотел увидеть, что вы взяли в номере.

Арман положил сумку на стол и расстегнул ее.

Внутри лежали пижама, халат. Туалетные принадлежности.

Администратор удовлетворенно кивнул и перевел взгляд на коробку.

– К сожалению, это я не могу вам показать, – сказал Арман. – Это коробка из больницы. Здесь личные вещи месье Горовица. Как видите, она запечатана, и такой она должна оставаться до его выздоровления, чтобы он мог открыть ее, зная, что в его вещах никто не рылся. Это для его и для нашей защиты.

Арман произнес «нашей» так, чтобы администратор понял, что это относится и к нему.

Наступило мгновение неловкой тишины.

На самом деле, кроме вещей, положенных в коробку в больнице, там теперь лежали и вещи, которые Арман нашел в столе наверху, включая ноутбук. Пока Рейн-Мари задерживала администратора, Арман заново запечатал коробку, потом быстро прошел в спальню и побросал одежду в сумку.

– К сожалению, я вынужден настаивать на том, чтобы вы вскрыли коробку, – сказал месье Панье.

– А я, к сожалению, не могу этого сделать.

– У нас какие-то проблемы? – раздался новый голос от двери.

Панье мгновенно вскочил на ноги:

– Non. Никаких проблем.

На пороге его кабинета стояла женщина, и Гамаш понял, что видит теперь настоящего босса.

Она шагнула вперед и протянула руку:

– Жаклин Белан. Генеральный менеджер.

Гамаша представились, а месье Панье вкратце объяснил случившееся.

Мадам Белан молча выслушала Панье, затем повернулась к Гамашам:

– Искренне вам сочувствую в связи с этим несчастным случаем. Я полагаю, месье Панье выразил вам сочувствие от имени отеля.

Гамаша посмотрели на него. Наконец Рейн-Мари сказала генеральному менеджеру:

– Да, спасибо. Он был очень любезен.

Они услышали, как месье Панье выдохнул.

Брови мадам Белан слегка поднялись, и это был единственный знак удивления и признательности.

– Вы родственник месье Горовица?

– Я его крестник, – сказал Арман.

Ее взгляд упал на коробку.

– Боюсь, что месье Панье прав. Нам необходимо увидеть то, что внутри. Надеюсь, вы меня понимаете.

И, откровенно говоря, Арман ее понимал. Воры принимают любой размер и форму. В отелях класса люкс они выглядят, скорее всего, как Гамаша, а не как уличные разбойники.

– Эта коробка запечатана больницей, – сказал Арман. – И я хочу, чтобы она оставалась в таком виде. Но, чтобы снять ваши сомнения, вы можете позвонить в префектуру. – Арман протянул карточку. – Ему.

Глаза мадам Белан широко раскрылись.

– Вы знаете месье Дюссо?

– Да, знаю. Судя по всему, вы его тоже знаете?

– Он вчера был здесь. Ваш друг?

– И коллега, oui. Я глава отдела по расследованию убийств.

Гамаш решил, что уточнять его территориальную принадлежность не обязательно.

– Арман, – сказала Рейн-Мари, – нам нужно передать Стивену его вещи.

– Боюсь, – начала генеральный менеджер, – что остается небольшая проблема с его счетом.

Арман чуть не улыбнулся. Со стороны мадам Белан это был блестящий ход. Если они воры, то вряд ли станут предъявлять свои банковские карты.

– Конечно. – Арман положил свою карту на стол дежурного администратора. – Кажется, он зарегистрировался два дня назад.

– Non, monsieur, – возразил администратор, посмотрев в компьютер. – Месье Горовиц поселился у нас десять дней назад. Он собирался уехать в ближайшую среду.

– Вы уверены? – спросила Рейн-Мари.

– Абсолютно. Нам оставить номер за ним?

– Если есть такая возможность, – кивнул Арман.

– Номер люкс, – сказал администратор, – стоит три тысячи пятьсот евро.

Рейн-Мари и Арман переглянулись. Они определенно не располагали такой суммой.

– В день.

Лицо Рейн-Мари осталось невозмутимым, хотя она почувствовала, как иссякает ее кровь и наследство ее детей.

Две недели... это составит...

– Сорок девять тысяч евро, – сказал месье Панье. – На данный момент. И это, конечно, до налогов и прочих платежей. Месье Горовиц часто ел у себя в номере.

Рейн-Мари быстро прикинула в уме. Около семидесяти пяти тысяч канадских долларов.

На данный момент.

– С учетом всех обстоятельств, – заговорила мадам Белан, – нам нужно десять процентов от этой суммы.

– Avec plaisir³⁰, – сказал Арман, словно они предполагали, что сумма будет больше. – Насколько я понимаю, в этом номере остановился кто-то еще. Вы можете сказать, кто это?

Администратор нахмурился:

– Non. Месье Горовиц в номере был один.

– Вы уверены? – снова спросила Рейн-Мари.

³⁰ С удовольствием (фр.).

– Абсолютно.

– Я бы хотел, чтобы вы перепрограммировали замок под новые ключи, – сказал Арман, протягивая администратору ключ Стивена.

Месье Панье выполнил его просьбу.

Когда они вышли из кабинета, Рейн-Мари прошептала:

– Тебе придется устроиться подрабатывать почтальоном.

– Тебе придется продать почку.

Она улыбнулась:

– Может быть, мы здесь и остановимся, раз уж мы платим?

– А ты бы хотела?

Рейн-Мари немного подумала:

– Non. Я предпочитаю нашу квартиру.

– Moi aussi³¹.

– Куда теперь? – спросила она и получила ответ, когда Арман назвал адрес водителю такси:

– Cinq rue Récamier, s'il vous plaît³². Это в Седьмом округе, напротив отеля «Лютеция».

Квартира Стивена.

Арман откинулся на спинку сиденья, поставив коробку на колени и положив сумку на сиденье.

Они проезжали мимо великолепных домов Османа, но Гамаш сидел, погруженный в свои мысли.

Стивен, конечно, любил роскошь, но он был исключительно аккуратен с деньгами. Кое-кто даже сказал бы, скуп.

Он ни в коем случае не стал бы платить за номер в «Георге V», имея прекрасную, даже роскошную квартиру в Париже.

И все же он сделал именно это.

Почему?

³¹ Я тоже (фр.).

³² Дом пять на улице Рекамье, пожалуйста (фр.).

Глава восьмая

Арман вытянул руку и преградил Рейн-Мари дорогу, не пуская ее дальше.

Они вошли в квартиру и остановились в широком коридоре. Слева от них находился арочный проход в гостиную.

Рейн-Мари, стоявшая немного позади мужа, пока не видела ни комнату, ни проблему. Арман видел.

Он не произнес ни слова. Просто не мог. Рейн-Мари почувствовала, как напряглось его тело.

Арман опустил коробку и сумку на пол. Подавшись вперед, Рейн-Мари увидела то, что видел он.

Гостиная была разгромлена.

– Арман... – начала она, но осеклась, когда он поднял руку, призывая к молчанию.

Он медленно вошел в комнату, Рейн-Мари двинулась вслед за ним. Они шли, обходя перевернутые стулья и приставные столики, переступая через лампы и картины.

Внезапно Арман остановился, и Рейн-Мари врезалась ему в спину.

Несколько мгновений Арман не двигался, глядя за перевернутый диван. Лицо его помрачнело.

Он присел на корточки, и тогда она увидела.

На полу лежал человек. Лицом вниз.

Мертвый.

Рейн-Мари побледнела и сделала шаг назад.

Арман быстро огляделся. Он видел то, чего не видела Рейн-Мари: в этого человека выстрелили дважды. Один раз в спину, один раз в голову.

Тело уже успело остыть. Вероятно, убийство произошло несколькими часами ранее. Но...

– В воздухе какой-то слабый аромат. Ты чувствуешь? – прошептал Арман.

Рейн-Мари сделала глубокий вдох и сначала покачала головой. Но потом почувствовала. Едва осязаемый. Ускользающий. Скорее намек на запах, чем сам запах.

– Постарайся его запомнить.

Голос его звучал настойчиво. Взгляд был острый. Все его существо было настороже.

«Что-то цитрусовое, – подумала Рейн-Мари. – С какой-то примесью. Не духи, скорее одеколон. Явно мужской. Неприятный».

Запах исчезал, прямо пока она пыталась оценить его.

– Это его запах? – прошептала она, не глядя на мертвеца.

– Вряд ли. И не Стивена.

Значит, чей-то еще. Рейн-Мари мгновенно проследила за ходом мысли Армана и поняла причины его настороженности.

Запах одеколонов, *eaux de toilette*³³, не держится долго. Такой запах может оставаться на одежде, но не в воздухе. И уж определенно он не остается на часы. А это означало, что кто-то недавно побывал здесь. Совсем недавно.

И возможно, до сих пор находится в квартире.

Арман инстинктивно переместил Рейн-Мари так, чтобы она стояла у него за спиной, и сделал шаг назад. От тела. К двери. Его мозг работал в ускоренном режиме.

– Арман, если здесь кто-то есть, тот, кто сделал это... – Она посмотрела на тело. – Он может...

³³ Туалетная вода (*фр.*).

– Убить нас? Non, – прошептал Арман. – Он хочет одного – уйти.

Он слышал ее дыхание. Короткое. Частое. Ее рука, лежащая на его спине, дрожала. И не без причины. Несмотря на то что он сказал, они почти наверняка находились в одной квартире с вооруженным преступником.

И хотя Гамаш этого не сказал, но самый надежный способ для преступника уйти с места преступления – это убить тех, кто встал на его пути.

– Держись за мной. Мы уходим, – громко сказал Арман.

Они направились к двери. На ходу Арман достал телефон и быстро сделал несколько фотографий.

Подойдя к двери, он отдал Рейн-Мари свой телефон, наклонился и поднял коробку.

– Возьми это, – прошептал он еле слышно. – Иди в отель «Лютеция». Позвони Клоду. Отправь ему одну из фотографий.

– А ты?

Но он уже закрыл дверь. Стоя на лестнице с коробкой в руках, Рейн-Мари услышала двойной поворот замка.

Не дожидаясь лифта, она поспешила вниз, шагая через две ступеньки.

Арман прислонился к двери, своим телом приглушая звук поворачивающегося в замке ключа. Потом он положил ключ в карман.

Незванный гость не сможет уйти без ключа. Была вероятность, что ключ у него есть, но Гамашу приходилось идти на этот риск.

Другой риск состоял в том, что он запирает себя в квартире с человеком, почти наверняка вооруженным. Любому своему агенту, который сделал бы то, что делал сейчас сам Гамаш, он бы устроил хорошую взбучку. Но тот, кто совершил здесь убийство, возможно, нес ответственность и за покушение на жизнь Стивена. И Арман не мог допустить, чтобы этот человек просто так взял и ушел.

Но существовала еще одна проблема. Арман знал эту квартиру и знал, что из нее есть другой выход. Он только надеялся, что преступник об этом не знает.

Поиски убийцы перестали быть его целью. Нынешняя его цель была прямой противоположностью прежней.

Теперь ему требовалось проникнуть в кухню и оттуда на вторую лестницу. Если бы ему удалось запереть дверь снаружи, убийца оказался бы в ловушке.

Кухня находилась в конце коридора, казавшегося теперь очень длинным и узким. Спрятаться там было негде. Своих учеников в Академии Гамаш учил никогда, ни при каких обстоятельствах не заходить в такие пространства.

Запах одеколona здесь чувствовался сильнее.

Арман вытащил ключи и сжал их в кулаке так, чтобы они торчали между пальцев, словно медные костяшки. Не ахти какая защита. Скорее психологическая, чем практическая.

Он прошел половину коридора, когда услышал хлопок. Он вздрогнул, хотя сразу же понял, что это не выстрел.

Это хлопнула дверь.

– Черт!

Арман бросился в кухню, распахнул дверь пожарного выхода и услышал топот ног по бетонным ступенькам. Он побежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

На бегу он услышал знакомые звуки. Приглушенные. Звонки телефона. Но не его. Свой телефон он отдал Рейн-Мари.

По лестничному колодцу гулко разносился топот бегущих ног. Арман подсознательно отметил, что человек, которого он преследует, не молод.

Но кто бы он ни был, у него имелось стартовое преимущество, и двигался он быстро. Он отчаянно хотел скрыться.

И похоже, ему это удавалось.

Если бы только увидеть его...

Дверь со стуком распахнулась, и на лестницу несколькими пролетами ниже хлынул солнечный свет. Потом дверь захлопнулась, и лестница погрузилась в сумерки.

Добравшись до двери, Арман распахнул ее и выскочил на многолюдный парижский тротуар. Удивленные прохожие обходили Армана, который крутился на месте, поворачивался то в одну сторону, то в другую.

Ничего. Одни лишь пешеходы, мужчины и женщины. Некоторые в недоумении таращили на него глаза. Никто не бежал.

Он потерял его.

Арман быстро направился к «Лютеции», завернул за угол и увидел Рейн-Мари в обнимку с коробкой. Она смотрела на входную дверь в доме Стивена.

Мысленно посылая Арману команду появиться.

Он позвал ее, и она повернулась. Облегчение на ее лице появилось одновременно со знакомым воем полицейской сирены, быстро приближающимся.

Глава девятая

– Что, черт возьми, происходит, Арман?

Клод Дюссо и Арман Гамаш стояли бок о бок, глядя на тело, а бригада криминалистов расположилась полукругом в ожидании команды префекта.

Гамаш не ответил, поскольку не знал, что, черт возьми, происходит.

– Ты его знаешь?

– Не думаю, – сказал Гамаш. – Но нужно посмотреть внимательнее, когда его перевернут.

Пока он видел только, что убитый был пожилым человеком, лет, вероятно, семидесяти пяти. Белый. Худощавый. В повседневной, но дорогой одежде.

Арман оторвал взгляд от тела и оглядел разгромленную комнату. Перевернутая мебель. Книги, сброшенные со стеллажей на пол. Ящики, вытащенные из шкафов и выпотрошенные. Даже картины были содраны со стен, а коричневая бумага на заднике исполосована ножом.

К счастью, ни одно полотно, похоже, не пострадало.

Дюссо кивнул, и бригада приступила к работе, а двое старших полицейских отправились обходить комнату за комнатой. У Армана не было времени осмотреть остальную часть квартиры Стивена, но теперь он сделал это.

– Спальня Горовица? – спросил Дюссо.

– Oui.

Белье с кровати было сорвано, матрас сброшен на пол. Двери громадного платяного шкафа были открыты, на полу валялись груды одежды.

– Да, напакостили тут, – заметил префект.

Даже ванная комната Стивена была подвергнута обыску, содержимое аптечки лежало частично в раковине, частично на полу.

Они прошли по длинному коридору, заглянули еще в одну спальню, в ванную, в столовую.

– Ты идешь? – спросил Дюссо, увидев, что Арман остановился. – Что там у тебя?

– Да нет, ничего серьезного. *Désolé*³⁴. – Он смотрел во вторую спальню.

– Что?

Арман повернулся к префекту, своему коллеге и другу, и ответил с едва заметной, почти печальной улыбкой:

– Так. Воспоминания.

– Здесь ты жил ребенком?

– Да.

– Тяжело это видеть, – сказал Дюссо. – Тем более сейчас, когда...

– Да.

Парижская квартира Стивена Горовица говорила об огромном богатстве и необычном самоограничении.

Финансист предпочитал простоту стиля Луи-Филиппа с его теплой фактурой древесины и мягкими простыми линиями. Каждый предмет, приобретенный на аукционе, а то и на блошином рынке, имел свой смысл. Платяные шкафы, кровати, комоды и лампы.

И в результате квартира казалась в большей степени домом, чем музеем.

Но сейчас она вполне могла сойти за свалку.

– Неудачное ограбление или профессиональная месть? – спросил Дюссо.

Арман покачал головой:

³⁴ Извини (*фр.*).

– Тот, кто это сделал, искал что-то. Если бы на Стивена не покушались вчера вечером, я бы сказал, что мы имеем дело с неудачным ограблением, но...

– Но вряд ли это совпадение, – согласился Дюссо. – Эти два происшествия определенно связаны. Самое простое объяснение состоит в том, что киллер пришел сюда, зная, что Стивен отправился ужинать с вами и квартира будет пустой. Он мог искать то, что ему нужно, без опасения, что его застукают. А когда он пришел и застал здесь этого человека, он его убил и продолжил поиски. Этому бедняге не повезло – оказался не в том месте и не в то время.

Гамаш поднял руки. Он понятия не имел, так оно или не так. Это был просто один из возможных раскладов.

Но Арман твердо знал, что в самом начале расследования необходимо рассматривать различные версии, что на этом этапе было бы ошибочно и опасно целиком сосредоточиться на какой-то одной. Слишком часто следователи увлекаются какой-то одной версией и начинают интерпретировать добытые улики в ее пользу.

Это может привести к тому, что убийца останется без наказания или, что еще хуже, будет наказан невиновный.

«Не верь всему, что думаешь».

Старший инспектор Гамаш записывал эту фразу на доске в начале каждого учебного года в Полицейской академии Квебека, предназначая ее для кадетов-новичков, и она оставалась на доске в течение всего года.

Поначалу кадеты, у которых он преподавал, смеялись. Фраза была вроде бы умная, но глупая. Мало-помалу большинство начинали понимать ее. А те, кто не понял, не продвигались дальше.

Эта фраза имела такую же мощь, как любое оружие, которое им будет вручено.

Нет. Сейчас все версии имели право на существование, все были равно допустимы. Но верной была только одна.

– Почему убийца продолжал оставаться здесь? – спросил Дюссо. – Обычно они спешат уйти.

– Или почему он вернулся? Единственное объяснение, которое мне приходит в голову: он не нашел то, что искал.

– Вот что я думаю, – сказал Дюссо. – Изначально план был такой: обыскать квартиру месье Горовица, пока тот ужинает. Когда этот человек нашел то, что искал, он отправился в ресторан, отследил мистера Горовица и попытался его убить в надежде, что это примут за несчастный случай. Ясно. Просто. Fini³⁵.

Арман обдумал его слова. Звучало похоже на правду. Если бы не...

– В квартире все перевернуто вверх дном, – сказал он. – Если убийца и в самом деле хотел, чтобы смерть Стивена выглядела как несчастный случай, то разве он не оставил бы квартиру в идеальном порядке?

– Да, план мог быть таким, но все пошло наперекосяк, когда он нашел здесь этого человека и убил его, – сказал Дюссо. – Об осторожности можно было забыть. К тому же он торопился. Хотел как можно скорее найти то, что искал. После этого он вовремя приехал к ресторану и сбил Горовица.

– Тогда почему бы просто не застрелить Стивена? – спросил Арман. – Если все было так, как ты говоришь, то убийце больше не нужно было выдавать это за несчастный случай. Мы все равно нашли бы тело в квартире и поняли бы, что убийство совершено умышленно.

– Ему нужно было выиграть время, – возразил Дюссо. – Если бы Горовица застрелили, то криминалисты мигом бы приехали сюда.

«И сделали бы это в любом случае», – подумал Гамаш.

³⁵ Закончено (фр.).

Единственной константой этих версий был мертвец, смерть которого не входила в планы убийцы. Одна из нескольких крупных ошибок, совершенных в тот вечер преступником.

Он убил не того человека, не убил того, кого собирался, и даже не нашел то, что искал. Если бы нашел, то не болтался бы здесь, когда они появились.

– Мм, – сказал префект. – У меня начинает болеть голова.

Гамаш в это не поверил. Эта головоломка принадлежала к числу тех, которые таким людям, как Дюссо или сам Гамаш, весьма успешно удавалось распутывать. Развязывать то, что казалось гордиевым узлом.

Вот только не разные ли узлы они распутывают?

– Не исключено, – сказал Арман, глядя на Дюссо, чтобы увидеть реакцию друга на его слова, – что мы с Рейн-Мари помешали не убийце, а кому-то другому.

– Кому?

– Не знаю.

Клод Дюссо вздохнул:

– Люди приходят и уходят. Неверная идентификация. Похоже, мы рассматриваем две разные *mises-en-scène*³⁶. Я вижу трагедию Эмиля Золя, а ты – мольеровский фарс.

О чем-то похожем думал и сам Гамаш несколькими минутами ранее. Однако замечание Дюссо, несмотря на шуточный тон, содержало скрытую критику. И в некотором роде насмешку.

– Возможно, – невозмутимо сказал Гамаш. – К счастью, «истина на марше, и ничто не остановит ее»³⁷.

Дюссо рассмеялся и хлопнул Армана по руке, явно узнав цитату из Золя:

– *Touché, mon ami*³⁸.

Дюссо развернулся, и они продолжили путь по коридору.

– Ты по этому коридору бежал за преступником?

– Да.

– Он явно знал, что из кухни можно попасть на вторую лестницу, – сказал Дюссо.

– Несомненно. У него была куча времени, чтобы ознакомиться с планом квартиры. Не повезло. Я думал, что он у меня в ловушке.

– А как ты понял, что тут есть кто-то посторонний? – спросил Дюссо.

– Мы слышали звук.

Дюссо покачал головой:

– И что бы ты сказал, Арман, если бы кто-то из твоих агентов, невооруженный, преследовал вооруженного убийцу по узкому коридору?

Арман усмехнулся:

– Я бы определенно вызвал его на ковер.

– Или тебе пришлось бы соскребать его с ковра. Не очень умно с твоей стороны. Убийца мог и тебя пристрелить.

– Интересно, что он не сделал этого. Впрочем, я ему благодарен.

– Я тоже, – с улыбкой сказал Дюссо. – Но немного удивлен.

Они вошли в кухню. Как и в большинстве старых французских квартир, кухня здесь была маленькая. Размерами не больше, чем камбуз на яхте, хотя и с большим окном, из которого открывался вид на соседние крыши.

Овсянка, сахар, кофе – все было рассыпано по полу. Кухонные шкафы опустошены.

По мере того как они продвигались вглубь квартиры, становилось очевидно, что методические поиски переросли в панику, а паника сменилась неистовством.

³⁶ Инсценировки (*фр.*).

³⁷ Из открытого письма Эмиля Золя президенту Франции с обвинениями армии в коррупции.

³⁸ Признаю свое поражение, мой друг (*фр.*).

Дверь из кухни на лестницу была приоткрыта, никто ее не трогал с того момента, как Арман выбежал через нее за преступником всего полчаса назад.

Когда полчаса назад стало ясно, что убийца затерялся в субботней утренней толпе, Арман подошел к Рейн-Мари, и они вместе дождались Клода Дюссо и остальных жандармов.

Полиция появилась всего через несколько минут, и тогда Рейн-Мари, прихватив с собой коробку с вещами Стивена, пошла в бар «Жозефина», где и сидела сейчас, ожидая мужа.

– Я покажу тебе, куда он ушел, – сказал Арман, открывая дверь рукой в перчатке. – Давай спустимся.

Не успели они выйти на лестницу, как из квартиры донесся голос:

– Patron?

– Да, Ирена, – сказал Дюссо, возвращаясь в кухню. – Что случилось?

Ирена Фонтен встала рядом с префектом. Вот так же стояла она рядом с ним и немного позади в течение многих лет. С тех пор, как была начинающим агентом.

Когда Клода Дюссо после смерти его предшественника сделали префектом, он повысил ее в должности до главы уголовного розыска.

В тридцать восемь она стала самым молодым офицером на это должности. И всего второй женщиной.

Когда уволился его заместитель в префектуре, Дюссо повысил Фонтен в должности, сделав своим заместителем.

И сейчас она, как всегда, заняла привычное место рядом с ним. Высокая блондинка с волосами, собранными в тугий хвост, она излучала компетентность. Гамаш подумал, что, когда летишь в самолете, хочется, чтобы именно такой человек сидел за штурвалом.

– Коронер приехал. Мы готовы его перевернуть. – Она перевела взгляд с префекта на его спутника.

– Извините, я вас не представил. Комиссар Ирена Фонтен, мой заместитель. Старший инспектор Арман Гамаш, глава отдела по расследованию убийств Квебекской полиции. Он мой давний друг и коллега, которому я доверяю.

Они обменялись рукопожатиями, и Фонтен переспросила:

– Вы из Квебека?

Легкое высокомерие в голосе французов, когда они слышали про Квебек, давно перестало беспокоить Армана. В конце концов, это ее проблемы.

– Oui.

– Что вы обнаружили? – спросил Дюссо, когда они двинулись обратно по коридору.

– Убит двумя выстрелами, один в спину, другой в голову. Похоже на ограбление. Человек вернулся домой, застал грабителя, и тот его застрелил.

– Тем не менее, – сказал Гамаш, шагавший позади, – ничего не было взято.

Фонтен остановилась и повернулась:

– Откуда вы знаете?

– Это бросается в глаза. Один картины здесь стоят целое состояние. Преступник тратил время на то, чтобы снять их со стен, даже разрывал защитную бумагу сзади, но сами полотна не тронул.

– Он искал наличность, ювелирные изделия, – сказала Фонтен. – Бумажник убитого отсутствует.

– Рановато приходить к такому выводу, – заметил Гамаш. – Здесь ужасный беспорядок – бумажник еще может обнаружиться. Это больше похоже на поиски, чем на ограбление, non?

Хотя возражения чужака раздражали ее, Ирена Фонтен не смогла сдержать улыбку. Квебекский акцент всегда ее забавлял. Это было все равно что разговаривать с тыквой.

– Non, – сказала она. – На мой взгляд, это ограбление. Не каждый хочет бегать по городу с картинами под мышкой и пытаться сбыть их перекупщику.

– Я не успел тебе кое-что сказать, Ирена, – вмешался Дюссо. – Месье Гамаш присутствует здесь не в своем профессиональном качестве, хотя он и может оказать нам помощь. – Он бросил на нее строгий взгляд. Упрекая или предупреждая ее? – Он знает хозяина квартиры. Они пришли сюда с женой и обнаружили тело.

Фонтен взглянула на Гамаша более заинтересованным взглядом:

– Так вы знаете убитого? Что же вы сразу не сказали?

– Потому что убитый не хозяин квартиры. Я понятия не имею, кто он, а хозяин квартиры – мой крестный отец. Стивен Горовиц.

– И где он сейчас?

– В больнице Отель-Дьё. В коме. Вчера вечером его сбил фургон – это было покушение на его жизнь.

Глаза Фонтен раскрылись еще шире, она посмотрела на префекта:

– То самое дело, которое вы мне передали.

– Да.

– И он владелец этой квартиры?

– Да, – ответил Гамаш.

– Эти два нападения как-то связаны, – сказала она. – Теперь не может быть никаких сомнений по поводу вчерашнего наезда.

Значит, у них были сомнения, подумал Гамаш. И тогда становится понятно, почему полиция сама не приехала в квартиру Стивена. Ведь это одно из первых полицейских действий, какие можно ожидать при расследовании покушения на убийство.

– Я был с ним, когда его сбили, – сообщил Гамаш. – Наезд был преднамеренным.

– И теперь вы здесь. Вы нашли тело, – сказала Фонтен.

– Да.

Он прекрасно понимал, к чему она клонит. Откровенно говоря, его это ничуть не удивило. У него, вероятно, возникли бы такие же подозрения, если бы один и тот же человек оказался на месте двух отдельных, но связанных нападений.

Ирена Фонтен повернулась и посмотрела вдоль коридора в сторону гостиной и тела:

– Я вот думаю, не убили ли его по ошибке.

– Мы с тобой думаем одинаково, – согласился Дюссо.

– Кто-то явно пытался убить Горовица, – продолжила Фонтен, обращаясь непосредственно и только к префекту. – Он пришел сюда первым, увидел этого человека и застрелил его, полагая, что тот – Горовиц. Обнаружив ошибку, преступник принялся искать то, ради чего и пришел сюда.

– А как он узнал, где найти Горовица? – спросил Арман.

Этот вопрос становился все более и более важным для него.

– Может быть, кто-то ему сказал, – ответила она, глядя на Гамаша. И после паузы продолжила: – Как по-вашему, что здесь случилось?

– Сначала позвольте мне рассказать, что мы обнаружили сегодня утром.

– Нет, я задаю вам вопрос. Что, по-вашему, здесь случилось?

Он повернулся и посмотрел на нее.

Фонтен ожидала увидеть холодный, злой взгляд. Но взгляд оказался спокойным, задумчивым. Даже любопытным. Она остро ощущала, что Гамаш оценивает ее.

Она в свою очередь оценивала его.

Лет пятидесяти пяти – шестидесяти, приблизительно ровесник префекта. Одежда такого же стиля, что у префекта. Ухоженный. Презентабельный. Ее поразили морщины на его лице. Не просто морщины. Следы не времени, а событий.

На виске глубокий шрам. И ко всему – его глаза. Яркие, умные, вдумчивые. Проницательные. И что-то еще.

Ей показалось, что она прочла в них симпатию. Нет, не это. Может быть, доброту? Наверняка нет.

И все-таки в этом человеке было что-то привлекательное. Безошибочно угадывалась теплота, как угольки в камине в холодный день.

Ирена Фонтен поборолась в себе желание поддаться этому. Она понимала, что угольки в любое мгновение могут вспыхнуть пламенем.

– Я думаю, комиссар, – сказал Гамаш, – что наилучшим образом смогу ответить на ваш вопрос, сообщив вам, что мы нашли среди вещей Стивена. Если не возражаете.

– Если вы настаиваете.

– Мерси. Когда Стивена сбила машина, моя жена подобрала с асфальта его очки и ключ. Она положила их в свою сумку и вспомнила о них только сегодня утром.

– Ну и что? – сказала Фонтен. – Естественно, что у него был ключ.

– Ключ от номера в отеле. От номера люкс в «Георге Пятом». Мы отправились туда и обнаружили, что Стивен жил там последние десять дней. Он собирался съехать в ближайшую среду.

Клод Дюссо повернулся к нему:

– Ты мне этого не говорил.

– Просто не успел. И похоже, с ним остановился кто-то еще, – продолжал Арман под недовольным взглядом Дюссо. – Человек, который поселился там, вероятно, накануне. Он даже не успел разобрать свои вещи и не собирался оставаться там надолго. При нем была только сумка.

Фонтен выставила большой палец в сторону гостиной:

– Этот убитый?

– Не уверен, но предположение очевидное.

Она покачала головой:

– Какая-то бессмыслица. Зачем человеку с такой квартирой и даже второй спальней для гостя останавливаться в отеле?

– Еще загадочнее тот факт, – подхватил Гамаш, – что Стивен известен своей прижимистостью. У него должны были быть очень веские основания, чтобы снять номер в отеле «Георг Пятый».

– Что же это за основания? – спросила Фонтен.

– Хотел бы я знать.

– Вы идете? – позвал их агент. – Коронер ждет.

Пока они шли по коридору, Дюссо пробормотал Гамашу:

– Ты должен был сказать мне про ключ.

– А ты должен был сказать мне, что на самом деле не поверил в преднамеренный наезд.

– С чего ты взял?

– Фонтен сама только что признала, что было сомнение, а если бы его не было, твои люди приехали бы сюда немедленно. Они бы перехватили преступника. А не меня с Рейн-Мари.

Гамаш остановился. Теперь наступил его черед недовольно смотреть на префекта.

– Твои сомнения могли стоить ей жизни.

– Ты прав, – признал Дюссо. – Со стороны Фонтен это была ошибка. Я поговорю с ней.

Арман чуть было не сказал, что ошибку сделала не только Фонтен, но вовремя закрыл рот.

Глава десятая

Коронер стояла на коленях возле тела.

– Вы здесь, отлично, – сказала она нетерпеливо и с раздражением. – Наконец-то мы можем начать.

Протянув руку в перчатке, она профессиональным движением перевернула мертвое тело. И они впервые увидели лицо мертвеца.

Даже после смерти этот человек излучал ауру успешности. Здоровья. Богатства. Но был ли он умен? В одном Гамаш не сомневался: он никогда не видел этого человека.

Коронер между тем докладывала:

– Мужчина, белый. Приблизительно семьдесят пять лет. Выстрелы в спину и голову. Спереди на теле никаких видимых повреждений. Состояние трупного окоченения. Смерть наступила более двенадцати, но менее двадцати четырех часов назад. Ногти, кажется, чистые. Следов борьбы не обнаружено. Царапины на лице, видимо, объясняются падением. – Она посмотрела на префекта. – Я бы сказала, что он умер, еще не упав.

– Извините, – услышали они. – Excusez-moi.

Все повернулись и увидели молодого человека в куртке, джинсах и шарфе. Он пытался прорваться через стену полицейских.

– Кто вы? – спросил один из жандармов.

Вместо ответа он прокричал Гамашу:

– Мне позвонила Рейн-Мари. Я сразу же пришел.

– Это Жан Ги Бовуар, мой зять, – объяснил Гамаш.

– Ему нельзя здесь находиться, – сказала Фонтен. – Пожалуйста, подождите снаружи. Это место преступления.

– Я знаю, – сказал Жан Ги.

Он сочувствовал этой женщине-полицейскому, явно главной здесь. Но вместо того, чтобы уйти, он шагнул вперед и встал рядом с Гамашем.

– Жан Ги – мой заместитель, – объяснил Гамаш Дюссо и Фонтен. – Перед тем как переехать в Париж, он возглавлял отдел по расследованию убийств. К тому же он знает Стивена. Вы не будете возражать?

– Против того, чтобы он остался? – Фонтен посмотрела на Бовуара так, словно тот был грязью на ее подошвах.

Потом она перевела взгляд на префекта, который пожал плечами.

– Отлично, – сказала она. – Если только мне не придется иметь с ним дело.

– Вы нашли бумажник? – спросил Дюссо. – Какое-нибудь удостоверение?

– Нет, – ответила Фонтен, опустившись на колени рядом с коронером. – Все его карманы вывернуты.

– Позвольте мне? – спросил Гамаш.

– Да какого хрена, – пробормотала Фонтен.

Она жестом пригласила Гамаша подойти к телу и стала наблюдать, как Гамаш заводит руку под пиджак и прощупывает его. Наконец он приподнял полу пиджака с потайным карманом и молнией.

Но расстегивать молнию не стал, предоставив это Фонтен.

Секунду спустя она вытащила тоненький бумажник.

– Откуда вы узнали? – спросила она.

– Опытные путешественники часто носят одежду с потайными карманами.

Он не стал добавлять, что у Стивена тоже был такой карман. Не стал говорить и о том, что они с Рейн-Мари нашли в этом кармане ежедневник и паспорт Стивена.

Фонтен передала бумажник префекту, и тот отошел в сторону от людей, работавших вокруг тела. Гамаш и Бовуар присоединились к нему у окна.

– Его имя – Александр Френсис Плесснер, – сказал Дюссо. – Это тебе о чем-нибудь говорит?

Арман задумался:

– Ноп. Стивен никогда его не упоминал. А ты не слышал этого имени?

Жан Ги покачал головой.

– Водительские права выданы в провинции Онтарио, – сообщил Дюссо.

К ним подошла Ирена Фонтен и отдала Дюссо паспорт:

– Мы нашли его под тем комодом. Но пока ни телефона, ни ключей.

– Если они нашли его паспорт, – заметил Гамаш, – то, вероятно, поняли, что убили не Стивена Горовица.

– Они убили не того человека, – сказал Дюссо.

– Или того, – возразил Гамаш, и префект кивнул: или того.

– Канадский, – сказал Жан Ги, глядя на паспорт. – Выдан год назад.

Клод Дюссо пролистал странички паспорта и вздохнул:

– На таможнях теперь повсюду терминалы, штампы в паспортах не ставятся. Придется связываться с Интерполом.

– Я просканирую штрихкод сегодня днем, – кивнула Ирена Фонтен.

– Лучше сделать это как можно скорее, – сказал Гамаш. – Из моего опыта работы с Интерполом могу вам сказать, что им требуется время, чтобы ответить на запрос. Иногда на это уходит не один день.

– Это уголовный розыск, месье, – заявила Фонтен. – В Париже. Не Квебекская полиция. Нам Интерпол отвечает быстро. Они знают, что, если мы делаем запрос, дело серьезное.

Бовуар открыл было рот, но, поймав взгляд Гамаша, промолчал.

Эта Фонтен явно не знала, что Гамашу за последние шесть месяцев неоднократно делали предложение переехать в Лион и возглавить Интерпол. Он отказался – предпочел искать убийц в Квебеке.

Если Гамаш не хотел говорить об этом Фонтен, то уж определенно этого не сделает Жан Ги. Хотя язык у него чесался.

– Спасибо за разъяснение, комиссар, – сказал Гамаш. – А какие-нибудь штампы в паспорте есть?

– Только один, – ответила Дюссо. – Путешествие в Перу год назад.

– Перу? – переспросил Бовуар.

– Известное туристическое место, – пояснил Дюссо. – Мачу-Пикчу. Геоглифы Наски.

– Что-что? – спросила Фонтен, и Бовуар порадовался, что именно она проявила свое невежество. Обычно в такой роли оказывался он.

Ему-то показалось, что префект сказал «Наскар», и он сам собирался задать вопрос.

– Поинтересуйтесь, – сказал Дюссо. – Это одна из величайших загадок планеты.

– Двести пятьдесят канадских долларов, – сообщила Фонтен, просматривая бумажник. – Семьдесят евро. Две карточки Виза и, – она показала визитку, – вот это.

Она протянула визитку Дюссо.

Тот прочел имя на визитке:

– Стивен Горовиц. Что и требовалось доказать. Убитый знал Горовица. Но что это было за знакомство? Друг? Деловой партнер? Если этот человек оказался в квартире Горовица, то это не просто знакомый.

– Позволь? – сказал Арман, протягивая руку. – Если у месье Плесснера оказалась эта визитка, то для Горовица он был больше чем знакомый.

Он вернул визитку Фонтен.

– Почему? – спросила она. – Обычная визитка.

– Но без адреса? – сказал Бовуар. – Даже без номера телефона или электронной почты? Что это за визитка, если на ней только имя?

– Не только, – возразил Дюссо. – Кто-то приписал после имени буквы ЭМНП. Что это значит, Арман? Какой-то почетный титул?

Гамаш улыбнулся:

– Не совсем.

Он достал собственный бумажник и вытащил потрепанную, слегка подзатертую визитку. Бумага была тонкая и пожелтевшая, но печать точно повторяла печать первой визитки.

«Стивен Горовиц». А после имени те же четыре буквы. Написанные от руки.

ЭМНП.

– Так его всегда называла моя бабушка Зора, – объяснил Арман.

– Но что они означают? – спросил Дюссо.

– «Этот мерзкий нищий поц».

Дюссо рассмеялся:

– В самом деле? Но «поц» – это, кажется, оскорбительное слово? Почему твоя бабушка так его называла? Это какая-то семейная шутка? Или ласковое прозвище?

– Как раз наоборот, – сказал Арман. – Она его ненавидела. Возненавидела с первого взгляда в конце сороковых. Невзлюбить его было просто.

Жан Ги улыбнулся. Все верно. Стивен Горовиц мог быть настоящим куском говна. И это не просто слово. Он действительно мог быть таким. Но Бовуар знал, что Стивен Горовиц – человек сложный, и это лишь одна из его сторон.

– Откуда она его знала? – спросила Фонтен. – И кстати, откуда вы его знали?

– Мой отец приглашал его на разные работы. Стивен приехал после войны в Квебек без цента в кармане, но мой отец быстро разглядел его потенциал. Они были приблизительно ровесниками, и только судьба решила, что один потеряет дом и семью, а у другого будет и то и другое. Мой отец восхищался Стивеном, но Зора его сразу же возненавидела. Она называла его...

– Этот мерзкий нищий поц? – подхватил Дюссо.

– C'est ça³⁹. И это еще в тех случаях, когда она заставляла себя быть вежливой.

Арман улыбнулся, вспоминая ее бормотание «Алте какер»⁴⁰ каждый раз, когда появлялся Стивен.

– А почему она так его ненавидела? – спросила Фонтен. – Что плохого он ей сделал?

– Ничего, кроме того, что родился в Германии. В то время от моей бабушки трудно было требовать, чтобы она хорошо относилась к немцам.

– Но ты мне говорил, что он сражался в Сопротивлении, – сказал Дюссо.

– Я думаю, бабушка в это никогда не верила.

Арман посмотрел в окно на отель «Лютеция». Этот отель был еще одной причиной, почему она не доверяла Стивену, который нашел себе жилье по соседству с «Лютецией».

Лишь много лет спустя Арман понял причину ее ненависти к этому прекрасному отелю.

Он понимал, что ему все равно придется объяснить их непростые семейные отношения. Так почему не сделать это прямо сейчас?

– Мой отец познакомился с Зорой в Польше в последние дни войны. Она и ее семья были депортированы из Парижа в Освенцим. В этом поезде находилось более тысячи человек. Только трое пережили эту войну. И Зора была одной из них.

Он посмотрел на Клода Дюссо, и тот опустил глаза.

³⁹ Да (фр.).

⁴⁰ Старый пердун (идиш).

В Париже много света, но в нем есть и черные тени.

– Она никогда не называла это Холокостом. Для нее это было Великое Убийство.

Он рос, считая Зору своей бабушкой, и по сей день считал ее таковой. Она внушила ему мысль, что убийства необходимо остановить. Любой ценой. И Арман знал, что именно по этой причине он поступил в Квебекскую полицию.

Чтобы остановить их. Любой ценой.

– Мой отец служил в Канадском Красном Кресте, он помогал перемещенным лицам, как их тогда называли. Людей освобождали из концентрационных лагерей, но деться им было некуда. Домов у них не осталось. Отец за свой счет привез Зору в Монреаль. Она жила с нами и воспитывала меня, после того как они погибли.

– Они? – спросила Фонтен. – Погибли?

– Мои родители. Они погибли в автокатастрофе. Мне тогда было девять. Стивен был моим крестным, он помогал меня воспитывать. Раз в год возил в Париж. Я практически вырос в его квартире.

Он огляделся, пытаясь вернуть то ощущение безопасности.

Но среди этого разгрома и рядом с мертвецом оно к нему не возвращалось.

– Но постойте, – сказала комиссар Фонтен, кивком показывая на визитку. – Вернитесь назад. Если это было оскорбительным прозвищем, то почему Горовиц написал на своей визитке ЭМНП?

– Это была наша семейная шутка. Вообще-то, он любил Зору, и, наверное, по мере роста его успехов на финансовом поприще он видел в этом способ обуздать свое непомерное эго. А еще это был своеобразный код.

– Код для чего? – спросила Фонтен.

– Код для его топ-менеджеров, его банкиров, его службы безопасности. А самое главное, это был код для его секретаря миссис Макгилликадди. Тот, кто предъявлял такую визитку, получал доступ ко всему. Получал всю возможную помощь. Не важно, что он просил.

– Но что могло помешать кому угодно другому написать ЭМНП на визитке и получить такой же доступ ко всему?

– Стивен дал всем понять, что любой, кто попытается это сделать, будет жестоко наказан. Игра не будет стоять свеч.

Фонтен посмотрела на тело Александра Плесснера.

– Не настолько жестоко, – сказал Гамаш.

– Вам известно, сколько таких визиток он раздал? – спросила Фонтен.

– Вообще-то, я думал, что у меня единственная визитка подобного рода, – сказал Гамаш, убирая свою визитку в бумажник. Для сохранности.

Стивен дал ему эту визитку после похорон родителей. Он тогда отвел Армана в сторону и под бдительным взглядом Зоры достал свою визитку и написал на ней ЭМНП.

«Знаешь, что означают эти буквы?» – спросил тогда Стивен.

Арман отрицательно покачал головой. Он не знал и не хотел знать. Все в этом мире потеряло для него значение.

Стивен сказал ему, и Арман в первый раз после того стука в дверь улыбнулся. Он слышал, как Зора произносила эти слова на своем ужасном французском.

«Всегда держи эту карточку при себе, Арман. В любое время, когда тебе понадобится помощь, приходи ко мне. Если тебя не будут пускать, покажи им эту карточку. Они дадут тебе все, что ты попросишь».

«Мороженое?»

«Да. С любой приправой. Деньги. Безопасное место, где можно остановиться. И они найдут меня, где бы я ни был, и я приду к тебе. Ты меня понял?»

Вопрос был уместный. В то время Стивен еще не избавился от своего немецкого акцента. И если Арман понял не все сказанные им слова, то смысл он понял прекрасно.

Он положил карточку в карман, а потом вышел вместе со своим лучшим другом Мишелем.

Весь этот день он то и дело засовывал руку в карман. Трогал визитку. Смотрел на дом. Зора будет заботиться о нем. А теперь он знал, что и Стивен тоже.

Он не останется один.

Полвека спустя пришел черед Армана заботиться о Стивене. Защищать его.

Разбираться в том, что произошло.

Но что именно произошло?

Арман посмотрел на мертвеца.

Был ли Александр Плеснер целью убийцы или же его убили по ошибке? Приняв за Стивена.

За этого мерзкого нищего поца.

– Арман, – сказал Дюссо, отведя Гамаша в сторону, пока Бовуар обследовал тело. – Я не возражаю против твоего участия в следствии. Напротив, я даже приветствую это. Ты знаешь месье Горовица лучше, чем кто бы то ни было. Но этот парень? Он будет только мешать. Он уже раздражает Фонтен.

– Бовуар опытный коп, – сказал Гамаш. Еще раз. – И он закончил свою карьеру главой отдела по расследованию убийств...

– В Квебеке.

– Oui. Но убийство есть убийство. И люди всюду люди. Даже в Квебеке. Никто не выслеживает убийц лучше, чем Жан Ги Бовуар.

– Ты кое-что забываешь, – сказал префект, переведя взгляд с Гамаша на полицейских, собирающих улики. – Это уголовный розыск. В Париже. Мы выбираем лучшее из того, что есть во Франции. И эти люди лучшие. Не только в Париже. Не только во Франции. Но и в мире.

Они устали друг на друга.

– Ты, конечно, прав, – сдался Арман. – Но Жан Ги на уровне лучших из лучших.

– Правда? Я посмотрел про тебя в Сети, чтобы освежить в памяти сведения о твоей карьере. Много случилось в твоей жизни, мой друг.

– Верно.

– По ходу дела я посмотрел и сведения о нем. Он алкоголик и наркоман...

– Выздоровевший, – отрезал Арман. – Он несколько лет как совершенно чист. Только не говори мне, что у тебя нет отличных полицейских, которые не страдали тем же. Несчастные случаи при нашей работе...

– Да. Да, – согласился Дюссо. – Слишком велик ущерб.

– И часто этот ущерб наносится лучшим, – сказал Гамаш. – Тем, кому небезразлично. Тем, кто идет первым. Жану Ги небезразлично. Нигде нет офицера полиции лучше. Включая и твоих, местных. – Он сделал паузу, давая Дюссо шанс возразить. – Я не знаю никого храбрее Бовуара.

– Или умнее? – заметил Дюссо. – Я слышал, что он спрыгнул с корабля, ушел работать в бизнес. Возможно, он зарабатывает в десять раз больше, чем мы. И при этом в него не стреляют. Как тебе известно, мой заместитель тоже ушел. Мы с тобой дураки, Арман.

– Слава богу, мы пока прекрасно выглядим, – с улыбкой сказал Арман.

Дюссо похлопал Гамаша по руке:

– А у тебя никогда не возникало искушения, *mon vieux*?⁴¹ Наняться в службу безопасности какой-нибудь фирмы, например? Такому, как ты, положат немаленькое жалованье.

– Нет. А у тебя?

Дюссо рассмеялся:

– Никому не говори, но я в этой жизни научился хорошо делать только одно дело. Им и занимаюсь. – Он с гордостью посмотрел на свою команду.

– Неправда, – сказал Арман. – Помнится, пару лет назад ты брал длительный отпуск, чтобы играть на саксофоне в чешском ансамбле.

Клод понизил голос:

– Ш-ш-ш. Все думают, что я изучал систему международных прачечных по отмыванию денег.

– Боюсь, что тебя раскроют. Ты совершил ошибку, когда сказал им, что вступил в хоровой кружок антитеррористического отдела Интерпола.

– Да, трудно поверить, но они узнали это. Утешает, правда, то, что меня окружают не идиоты. Похоже, я единственный.

Арман рассмеялся.

Правда состояла в том (и Гамаш был одним из немногих, кто ее знал), что Клод пережил посттравматическое расстройство после невероятно жестокого года террористических нападений. Кульминацией которого стала гибель его наставника и предыдущего префекта под колесами автомобиля.

Музыка, в особенности его любимый саксофон, помогла ему исцелиться.

– Ну хорошо, – сказал Дюссо. – Бовуар остается, но на втором плане. И я буду иметь дело с тобой, а не с ним.

– Договорились.

– Ты меня извинишь? Я вижу, тут появился прокурор.

Жан Ги прошел по всей квартире, осмотрел все комнаты.

Ирена Фонтен вернулась к своим обязанностям руководителя команды криминалистов.

Клод Дюссо, стоя у окна, совещался с прокурором республики, без санкции которого невозможно было открыть следствие по убийству.

Совещание не заняло много времени. Две пули оказались весомым аргументом.

Арман, отнюдь не новичок в расследовании убийств, потерянно стоял посреди знакомой комнаты.

Это пространство, это место всегда было для него безопасным. Почти священным.

Но теперь перестало быть таким.

Его взгляд скользил по крюкам под картины в стене, по картинам, лежащим на полу.

Гоген, Моне, Ротко, огромное полотно Сая Твомбли, скинутое с каминной полки. Великолепная картина Кенжуак Ашевак, лежащая сверху лицом.

Среди них можно было легко не заметить маленькую раму размером со средник старинного окна. Эта акварель, как ни посмотри, была совсем не впечатляющей, если не считать того утешения, которое она предлагала плачущему ребенку. Крохотное окно в невозможное.

Дымок все еще поднимался над домами. Неизменный. Предсказуемый. Река все еще прорезала деревню в долине. Вокруг росли непроходимые леса, в которых, как был уверен юный Арман, обитали чудесные существа. А в самом центре нарисованной деревни росло несколько деревьев.

Арман посмотрел на эту маленькую раму, лежащую на полу на месте преступления, и его обуяло почти непреодолимое желание повернуться и уйти домой. В Квебек.

⁴¹ Старина (*фр.*).

Сидеть в бистро вместе с Рейн-Мари, Анри, Грейси и Фредом, свернувшимися перед камином, в котором потрескивают дрова.

Габри принес бы им кофе с молоком или что покрепче. Оливье подал бы лосося, копченого на кленовых дровах, а потом к ним присоединились бы Клара и Мирна, чтобы поболтать о книгах и картинах, о еде, о том, что натворила лошадь Святого Идиота.

Сумасшедшая Рут и ее одержимая утка Роза осыпали бы всех оскорблениями и тонкой поэзией.

Я сижу, где посажена, созданная
из камня и желаемого, выданного
за действительное:
будто божество, убивающее ради удовольствия,
может и исцелять...

Даже теперь, с расстояния, казавшегося непреодолимым, он видел многостворчатые окна бистро, выходящие на густой лес, и листья, которые уже меняют цвет.

Как это происходит рано или поздно со всеми.

Кроме той картины, которую так безрассудно бросили на пол.

...будто в разгар твоего кошмара,
твоего последнего, добрая львица
за загревок нежно поднимет твою душу...

Домой. Домой. Он очень хотел домой. Сидеть у огня. Слушать разговоры друзей, смеяться. Держать Рейн-Мари за руку и смотреть, как играют их внуки.

...и осторожно в темень рая отнесет.
Но не сейчас.

Гамаш подошел к маленькой картине и вернул ее на безопасное место на стене. На ее место.

Но прежде чем сделать это, он заметил написанное на заднике слово: «Арману».

Глава одиннадцатая

Рейн-Мари Гамаш сидела в баре «Жозефина» отеля «Лютеция», положив руку на картонную коробку.

Не обращая внимания на элегантных посетителей бара, она смотрела в огромные окна отеля на шикарных мужчин и женщин Шестого округа Парижа.

Они проходили по улице Севр. У многих в руках были полиэтиленовые пакеты из находящегося поблизости универмага «Ле Бон Марше».

Рейн-Мари осознавала, что происходит вокруг нее в великолепном баре в стиле модерн, но все, что она видела, – это тело на полу и кровь на ковре в комнате, где прежде играли ее дети.

И еще она пыталась вспомнить этот запах. Удастся ли ей когда-нибудь распознать его?

Вплоть до нынешнего дня она помнила запах своей матери. Не духов, а очистителя с содержанием аммония. Этот запах прилип к ней, впитался в материнские поры – она работала приходящей уборщицей.

И Рейн-Мари знала, что, уходя в могилу, унесет с собой запах Армана – запах сандалового дерева. По крайней мере, она на это надеялась. На то, что уйдет первой. В его объятиях.

С ее стороны это было проявлением эгоизма. Вынудить его пережить это. Оставить его одного. Но она сомневалась, что сможет уйти без него. Если он...

Она прогнала эти мысли. Надо вернуться к насущному. К фактам. К мертвецу.

Будучи профессиональным библиотекарем и архивариусом, Рейн-Мари умела не только сортировать и каталогизировать информацию, но и устанавливать связи. Именно эта способность ее мыслительного аппарата работать одновременно на нескольких уровнях сделала ее профессионалом высокой пробы и обеспечила ее карьеру в Национальной библиотеке и архиве Квебека.

Там, где другие видели только факты, мадам Гамаш видела связи между этими фактами. Она могла установить общее между двумя, тремя, многими внешне никак не связанными событиями.

Между аборигенским именем, означающим «Созерцатель звезд», рассказом об имевшем место в 1820 году званом обеде с участием геолога Бигсби и могилой нищего в Монреале.

Она соединила все это, и у нее получился Дэвид Томпсон. Землепроходец и картограф, который оказался, вероятно, величайшим картографом, когда-либо жившим на земле. Выдающаяся личность, забытая историей.

Пока архивариус и библиотекарь мадам Гамаш не обнаружила его.

А теперь она получила целый набор никак не связанных между собой фактов и событий. Не безопасно упокоившихся в истории, а живых, происходящих в данный момент. И забрызганных кровью.

Она прижала к себе коробку и прищурилась. Пытаясь увидеть...

– Привет!

Рейн-Мари в мгновение ока вернулась в бар «Жозефина» и увидела улыбающееся лицо мужа.

– Désolé, – сказал он и наклонился, чтобы поцеловать ее. – Не хотел тебя испугать. Ты была где-то за миллион миль отсюда.

– На самом деле не столь далеко. – Она поцеловала его в ответ и услышала его шепот:

– Не реагируй.

Она сохранила улыбку на лице и попыталась ничем не выдать своего недоумения.

Он отошел в сторону, и Рейн-Мари увидела Клода Дюссо.

– Клод, – сказала она.

Но недоумение никуда не делось. Что хотел сказать Арман? Неужели она не должна узнавать этого человека, которого так хорошо знала?

Которого видела вчера вечером в больнице?

Но когда префект наклонился поцеловать ее в обе щеки с преувеличенным политесом, давно вошедшим у них в шутку, Рейн-Мари все поняла.

Она постаралась не реагировать, но испугалась, что на какое-то мгновение выдала себя. Ее глаза слегка расширились. От удивления.

К счастью, после этого она увидела Жана Ги и перенесла свое удивление на него.

Все расселись на диванчике и заказали выпивку, а Арман рассказал Рейн-Мари о последнем развитии событий.

Она выслушала, задала несколько вопросов, на которые никто не знал ответа, и замолчала.

Но мысли ее метались. И так быстро, что она просто чувствовала, как они кружатся. Поднимают пыль. Затемняют то, что должно быть очевидным.

Жан Ги показал на ее булочку:

– Вы не будете?..

Рейн-Мари подтолкнула тарелку с булочкой к своему вечно голодному зятю.

– Большой вопрос состоит в том, убили ли месье Плесснера случайно, приняв его за месье Горовица, или нападение на него было преднамеренным, – сказал Клод Дюссо. – Что у вас здесь?

Он показал на коробку, на которой по-прежнему лежала рука Рейн-Мари, защищая ее.

– Да-да, – сказал Арман. – Мы собирались тебе показать. – Он огляделся и поймал взгляд метрдотеля. – Жак!

– Oui, месье Арман?

Они были давно знакомы. Жак служил помощником официанта, когда Стивен в первый раз привел девятилетнего Армана в «Лютецию». Разница в возрасте между ними составляла девять лет, и, хотя они знали друг друга почти полвека, отношения между ними оставались формальными. Хороший метрдотель никогда не бывает запанибрата с гостями. А Жак был одним из лучших.

– Мы можем поговорить где-нибудь приватным образом?

– Конечно. Я найду для вас комнату.

Несколько минут спустя они оказались в президентском номере.

– Я рассчитывал на какую-нибудь кладовку в подвале, – сказал Дюссо, с удивлением оглядывая номер. – У тебя тут явно налажены связи, Арман.

– Как и у тебя в «Георге Пятом».

Дюссо рассмеялся:

– Если бы так. Я не появлялся там сто лет.

– Значит, я ошибся. Мне показалось, что ты говорил об этом.

– Нет. Ты, наверное, имеешь в виду тот клоповник за углом от набережной Орфевр.

– Точно. «Люби меня задешево», – сказал Арман.

Дюссо рассмеялся. Арман снова поймал взгляд Рейн-Мари, предостерегая ее. Но сразу же увидел, что в этом нет необходимости.

Клод Дюссо сел на низкий диван, поставил коробку на колени и открыл ее с предвкушением ребенка в рождественское утро.

– Так, посмотрим, что у нас здесь. Это коробка из больницы, поп? Вещи месье Горовица. Запечатано. Ты ее не открывал? Но я думал...

– Мы ее открыли, – сказал Арман. – И снова запечатали.

Он объяснил Дюссо и Жану Ги, что случилось в «Георге V».

– Поп, – сказал Дюссо. – Хорошая мысль. Все здесь, на месте? Ноутбук, телефон, одежда?

– Все, что было на Стивене прошлым вечером и что мне удалось найти в его кабинете. Дюссо задумался, его рука замерла над коробкой, на худом лице появилось озадаченное выражение.

– Странно, что он остановился в отеле. Ты не знаешь почему?

– Нет.

Дюссо вытащил ноутбук.

– Его пароля, я думаю, ты не знаешь?

– Нет. И телефонного тоже. Впрочем, он разбит.

– Сим-карта? – спросил Дюссо.

– Сломана.

Префект вздохнул:

– Жаль.

– Оui.

– А это что? – спросил Дюссо.

– Похоже на универсальный гаечный ключ, – сказала Рейн-Мари.

Они покупали для Даниеля и Анни немало сборной мебели, и сборка доставалась ей, так что с гаечными ключами она была знакома.

– Этот ключ лежал на столе рядом с ноутбуком, – сказал Арман. – Я просто побросал все в коробку.

– Включая и это, – сказал Дюссо, на ладони у которого лежало несколько болтов. – Нам не хватает только рулона клейкой ленты, и мы будем знать о «Георге Пятом» больше, чем нам хочется.

– Интересно. – Жан Ги достал из коробки пару канадских монеток. – Они слиплись.

– Ха, – сказала Рейн-Мари, протягивая руку к монеткам. – Забавно. Одна из них, вероятно, намагничена. Когда Даниель и Анни были детьми, я показывала им этот фокус.

– Какой фокус?

– Старые монеты имеют высокое содержание никеля, а это значит, что их можно превратить в магниты.

Пока она говорила, Жан Ги пытался разъединить монетки.

– Они не намагничены, они склеены. Зачем Стивену понадобилось склеивать две старые монетки?

– Наверное, он нашел их на улице и подобрал, – сказал Арман.

– На удачу? – спросил Дюссо.

– Я бы тоже так сказал, – заметил Арман.

Дюссо подкинул склеившиеся монеты, поймал и сунул себе в карман.

– На удачу.

– Вообще-то, Клод, если это талисман Стивена, я бы хотел отвезти его в больницу. Положить рядом с его кроватью.

У большинства людей бывают разные суеверия, и эти люди окружают себя талисманами. От распятий до звезды Давида, от кроличьей ножки до пары носков, приносящих удачу.

Для Стивена подходил этот талисман. Склеившиеся монетки. Деньги, которые не потрапишь.

– Конечно, – сказал Дюссо и без колебаний отдал монетки Арману. – С моей стороны это слишком эгоистично – хотеть для себя всю удачу, какая есть.

Он вернулся к содержимому коробки, осмотрел порванную и окровавленную одежду. Арман отметил, что Клод поискал и нашел потайной карман. Там лежал паспорт Стивена. Но там не было ежедневника. Того самого, который лежал в кармане Армана. Где этот ежедневник и должен оставаться.

Наконец Клод Дюссо достал со дна коробки брошюру:

– Годовой отчет. Ты сказал, он приехал сюда ради встреч. Может быть, это одна из них? Дюссо положил брошюру на диван.

Арман наблюдал за тем, как Жан Ги взял книжицу. Это был отчет компании ГХС Инжиниринг. Той самой, в которой работал Бовуар.

Поначалу на лице Жана Ги появилось удивление. Впрочем, такие выражения долго не задерживались на лице Бовуара.

– Стивен? – тихо произнес он. – И вы?

Арман был готов к этому, но все же опасался разговора. Он знал, что эта минута настанет, знал с момента покушения на Стивена, с того момента, когда они нашли годовой отчет на столе Стивена, с того момента, как взяли эту брошюру с собой, с того момента, как Бовуара привлекли к следствию.

– Что это значит? – спросил Жан Ги, поднимая документ.

Ошибиться в том, что он едва сдерживает ярость, было невозможно.

– Это значит, что Стивен по моей просьбе помог тебе найти работу.

И началось.

– Вы попросили Стивена использовать его влияние, чтобы устроить меня в ГХС?

Арман встал:

– Поговорим об этом в спальне.

Не дожидаясь согласия Жана Ги, он прошел по громадной гостиной и по коридору в самую дальнюю спальню.

Следом за ним вошел Бовуар. Губы его сжались в полоску. В глазах полыхала злость.

– Закрой, пожалуйста, дверь, – попросил Арман.

Бовуар с силой захлопнул дверь. Громкий хлопок разнесся по номеру.

– Извини, – сказал Арман.

Бовуар развел руки жестом, означающим «И это все?». Но не произнес ни слова. С одной стороны, он не знал, что ему сказать, а с другой стороны, опасался того, что скажет.

Это было предательством высшего уровня. Не только пойти на такое дело, но и утаить от него.

Они вместе прошли через ад. Вместе пересекли реку Стикс. Платили лодочнику кровью, мучениями и скорбью.

Они вместе вернулись в мир живых. Израненные, меченые.

Они были близки, как редко кто бывает близок.

И теперь Арман изображал Бога, играя жизнями Жана Ги и Анни? Он заговорщицки подсунул Жану Ги эту работу в ГХС Инжиниринг, а у него даже не спросил? Не посоветовался с ним?

Арман сел на край кровати. Жан Ги сел на другую кровать. Они сидели лицом друг к другу.

– Я опасался, что, если скажу тебе, ты решишь, будто я хотел выставить тебя из Квебекской полиции. Что это своего рода послание о твоем несоответствии званию старший инспектор.

– А так оно и было?

– Ты серьезно? – возмутился Гамаш. – Ты был талантливый старший инспектор. Лидер от природы. В то время я ждал, что меня уволят и, может быть, даже отдадут под суд. Моим единственным утешением было то, что отдел остается в надежных руках. Твоих руках. Но опасность ситуации тяжелым грузом лежала на нас двоих. Я мог уйти в отставку. Я бы жил полной жизнью. Хорошей жизнью. Мы бы с Рейн-Мари жили потихоньку в деревне. А ты только начинаешь жить. Ты и твоя семья. Я хотел дать тебе возможность выбора. Вот и все. Но я был не прав, не обсудив это с тобой, прежде чем обратиться к Стивену. Извини.

– Стивен состоит в совете директоров ГХС?

– Может быть. Я не знаю. Когда я попросил его найти тебе работу в бизнесе, я предполагал, что это будет в Квебеке. Не в Париже. И не конкретно в ГХС.

Жан Ги кивнул, покачиваясь взад-вперед на кровати.

– Предложение было законным, – сказал Арман, читая мысли Жана Ги. – ГХС никогда не взяла бы тебя на эту позицию, если бы они не знали, что ты идеально для нее подходишь.

– Стивен обратился с этим к моему боссу? К Кароль Госсет?

– Понятия не имею. – Арман помолчал, прежде чем продолжить. – Твой уход из полиции был для меня мучителен. Твой отъезд вместе с семьей разбил мне сердце.

Жан Ги кивнул. Он знал, что это правда.

– Тем не менее, – продолжал Арман, – было ужасной ошибкой не спросить тебя, хочешь ли ты уйти со службы.

Использование Гамашем слова «служба» напомнило Жану Ги о том, что Гамаш почти никогда не называл полицию конторой.

Жан Ги глубоко вздохнул, потом кивнул.

Арман залез в карман, вытащил склеенные монетки, посмотрел на них и передал Жану Ги.

– Компенсация? – спросил тот.

Арман хохотнул:

– Non. Если это действительно талисман, приносящий удачу, то Стивен хотел бы, чтобы он лежал в твоём кармане.

Жан Ги зажал монетки в кулаке:

– Нам удача может понадобиться. – Он посмотрел в глаза тестя. – Merci.

Он хотел было встать, но Арман удержал его:

– Есть кое-что еще.

– Oui?

– Когда мы с Рейн-Мари нашли тело, то обратили внимание на запах в воздухе. Мужской одеколон. Так мы поняли, что в квартире Стивена кто-то находится.

– Это был одеколон убитого или Стивена?

Арман заговорил не сразу, и Бовуар предположил, что его тесть думает, как наилучшим образом описать этот запах.

Ответ Гамаша не только удивил Бовуара – он изменил все.

– Так пахнет Клод Дюссо.

Глава двенадцатая

– Что там у вас? – спросил Дюссо, когда эти двое вернулись в гостиную.

– Возможно, вы не знаете, что я работаю в ГХС Инжиниринг, – сказал Жан Ги, показывая на годовой отчет. – Пока я не увидел эту брошюру, мне и в голову не приходило, что Стивен приложил руку к моему трудоустройству. Я думал, что получил свое нынешнее место за собственные заслуги.

– Именно за это ты его и получил, – сказал Арман. – Но мне нужно было объяснить, как это случилось, и извиниться за мое участие в этом.

– Которое состояло в чем? – спросил Дюссо.

Арман рассказал.

– Вероятно, Горовиц состоит в совете директоров ГХС, – сказал Дюссо, взяв в руки годовой отчет. – Тогда понятно, как он устроил Бовуара на работу и почему у него оказался отчет.

Он положил брошюру назад в коробку и закрыл ее крышкой.

– Я уточню у миссис Макгилликадди, его секретаря, – пообещал Гамаш.

– Фонтен сообщает, что тело увозят, – сказал Дюссо. – Я должен быть на вскрытии. Хочешь поехать со мной?

Он посмотрел на Гамаша, потом, слегка неохотно, распространил приглашение на Бовуара.

– Спасибо, – сказал Гамаш, а Бовуар кивнул.

После того как они договорились о времени встречи с префектом на набережной Орфевр позже в этот же день, Дюссо сказал:

– Комиссар Фонтен хочет поговорить с вами и вашей семьей. Вы свидетели нападения на Горовица.

Договорились о том, что Фонтен встретится с ними в середине дня в квартире Даниеля и Розлин в Третьем округе.

Дюссо покинул отель «Лютеция», забрав коробку, а Рейн-Мари, Жан Ги и Арман вернулись в бар «Жозефина».

Им нужно было поговорить.

Подошедший официант спросил, что они желают заказать.

Рейн-Мари попросила чай, потом быстро просмотрела меню и выбрала первое, что попало на глаза. К счастью, это был омар под майонезом.

Арман заказал омлет с травами. Он не был голоден и знал, что будет просто возить вилкой по тарелке. Бовуар заказал бургер.

Наконец официант отошел, и Рейн-Мари обратилась к Арману:

– Неужели это Клод? Одеколон, запах которого мы ощутили в квартире Стивена. Клод пользуется таким же одеколоном.

– Oui. Я сказал об этом Жану Ги, пока мы разговаривали в спальне.

– Ты же не думаешь?.. Он твой друг. Да бога ради, он же глава префектуры.

Арман покачал головой:

– Я не знаю.

– Многие могут пользоваться этим одеколоном, – сказал Жан Ги, который постарался поглубже вдохнуть запах префекта, прежде чем тот ушел.

Рейн-Мари поколебалась, но она знала, что сейчас не время прятаться от правды.

– Я прежде не была знакома с этим запахом. А ты?

Жану Ги пришлось признаться, что и для него этот запах в новинку.

– Но, вероятно, здесь этот одеколон популярен. Как и tête de veau⁴².

Он так и не пришел в себя после того первого раза, когда они с Анни и Оноре бродили по Marché des Enfants Rouges⁴³ близ их нового дома.

Отвернувшись от ряда эклеров, Жан Ги оказался нос к носу с другим рядом – телячьих голов, взирающих на него.

Он подхватил Оноре и поспешил прочь, держа мальчика так, чтобы тот ничего не увидел.

«Какие люди это едят?» – прошипел он Анни на бегу.

«А какие люди едят routine?»⁴⁴

«Это другое дело. У routine нет глаз. Ты что, стала бы есть голову и мозг тельенка?»

«Нет. Это отвратительно. Но французам нравится».

Рейн-Мари и Арман понимали слегка преувеличенную реакцию Жана Ги.

– Интересно, что это за одеколон, – сказала Рейн-Мари и поблагодарила официанта, который принес ей чайничек с уже настоявшимся чаем.

Она налила чай в чашку и посмотрела в окно, где за парком на улице Севр высился огромный универмаг.

Подняв чашку, она заметила трещину на боку и проступившие капли.

– Она течет, – сказала Рейн-Мари, ставя чашку на блюдце.

– «Тропинка в страну мертвецов», – произнес Жан Ги, к удивлению Гамашей.

– Что ты сейчас сказал? – спросила Рейн-Мари.

– Прошу прощения. Строка из стихотворения, кажется. Где-то я слышал недавно. Не могу вспомнить где. Ах да. Мы летели на Мальдивы...

Если бы здесь была Анни, она бы застонала, но в ее отсутствие это сделала Рейн-Мари.

– ...и Кароль Госсет произнесла эти слова. – Жан Ги закрыл глаза, вспоминая. – «И откроет трещина в чашке / Тропинку в страну мертвецов».

– Почему она так сказала? – спросила Рейн-Мари.

– Теперь уж и не знаю, – ответил Жан Ги.

Повернувшись к Арману, Рейн-Мари сказала:

– Ты все-таки подозреваешь Клода. Если бы не подозревал, ты бы все ему рассказал.

⁴² Телячья голова (блюдо французской кухни).

⁴³ Рынок Красных Детей (*фр.*). Расположен в квартале Марс.

⁴⁴ Национальное квебекское блюдо, картошка фри с соусом и сыром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.